

UNICUM

ДИНАСТИЯ
УНИКАЛЬНЫХ
УБИЙЦ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

КОМПОЗИТОР

НА ОСНОВЕ СЕКРЕТНЫХ АРХИВОВ

UNICUM

Сергей Бакшеев

Композитор

«Автор»

2011

Бакшеев С. П.

Композитор / С. П. Бакшеев — «Автор», 2011 — (UNICUM)

Голос – второе лицо. Злой гений с уникальным слухом и голосом способен менять его как угодно. Он даже может убить голосом. Но есть то, что ему неподвластно – голос звезды, в который влюбляются миллионы. И он начинает кровавую охоту за лучшими голосами. Книга также выходила под названием «Я украду твой голос».

© Бакшеев С. П., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Бакшеев

Я украду твой голос

Голос – второе лицо.
Жерар Боэ

Пролог

Об этом человеке мне поведал бывший сотрудник КГБ, дослужившийся до чина полковника, Сергей Васильевич Трифонов. Закончил он рассказ фразой, с которой начал:

– Композитор обладал уникальными способностями. Проще говоря – это был гений. Величайший гений и жестокий убийца одновременно.

В начале рассказа я этому не поверил. Но сейчас признаюсь – Трифонов был прав.

Я обещал сохранить услышанное в тайне, пока полковник жив. Но даже после его ухода из жизни я не решался рассказать о Композиторе. Я опасался, что вы не готовы прочесть такое.

Однако история эта настолько уникальна, что я не в силах более держать ее в себе и должен рассказать...

Глава 1

Прежде чем действовать, мальчик дождался, когда старинные напольные часы в служебной квартирке директора школы-интерната Зои Ефимовны дважды щелкнули. Механизм боя в часах давно вышел из строя, и тихие металлические щелчки, отмечающие начало каждого часа, обычный человек мог расслышать лишь в пределах комнаты. Но двенадцатилетний Марк Ривун легко уловил звуковые колебания, прошедшие через десяток стен и межэтажное перекрытие кирпичного здания. Квартира директрисы занимала две комнаты в деревянной пристройке с правого торца школы, а палата мальчиков пятого-шестого класса находилась в противоположном конце длинного корпуса на втором этаже.

Два щелчка – два часа ночи. К этому времени должны утомиться даже самые беспокойные воспитанники интерната. Можно начать испытание, решил Марк. Он лег поудобнее, расслабил мышцы и несколько раз глубоко вздохнул, чтобы унять ненужное волнение. Предстояла самая серьезная проверка уникальной способности: внушать окружающим безотчетный страх.

Марк откинул с груди одеяло, в последний раз покосился на длинный ряд кроватей с мирно спящими пацанами. В этот час все были похожи на ангелочков: отъявленные хулиганы и хлюпики, задиры и плаксы, насмешники и тихони, двоечники и отличники. Но днем, особенно сейчас, во время летних каникул, мальчишки маются от безделья, и большинство превращается в наглых драчунов и тупых уродов. Лучше и не вспоминать их противные рожи. Если всё пройдет удачно, он их больше не увидит.

Марк Ривун запрокинул голову, вперил холодный взгляд в низкий потолок и тихо завыл: «Пожааааар, пожааааар, пожааааар...». Звук был низким и негромким. Лопухий подросток с безобразным шрамом на шее повторял это слово многократно, постепенно переходя на бас. Вскоре его голос стал совсем не слышен, но рот по-прежнему открывался, и по натужному выражению лица, вытянутой шее и вздымающейся груди было заметно, что мальчик продолжает кричать. Он беззвучно вопил во всё горло. Из худого напрягшегося тела исходили невидимые и неслышимые колебания, которые свободно проходили сквозь перегородки и распространялись по двухэтажному зданию интерната.

От первых звуков проснулись лишь несколько мальчишек в палате. Они тревожно таращились в черную мглу, соображая, чем вызвано гадкое беспокойство, страшным сном или неясными криками. Но звуки быстро затихли, а непонятные волны страха всё накатывали и накатывали. Один мальчик сорвался бежать, вскочил, но стыд оказаться осмеянным сверстниками заставил его вернуться в постель. Он сжался в комочек под одеялом и зябко дрожал, безуспешно сдерживая плач.

Марк Ривун продолжал кричать, неистово, но совершенно беззвучно. Себя он прекрасно слышал, хотя понимал, что ограниченные людишки, окружавшие его, лишены этой редкой возможности. Сначала он четко твердил: «Пожар», – но по мере погружения в низкий диапазон звуков это стало невозможно. Он лишь выдыхал шипящие волны. Они толкались в детские тела, проникали внутрь и будили их.

Дети просыпались от жуткого страха. В соседней палате запищали девочки. Кто-то из мальчиков крикнул: «Пожар! Горим!», – после этого жалкий стыд окончательно уступил место всеобщей панике. Необъяснимый кошмар погнал всех из комнат. Дети вскакивали в темноте, бросались в тесный проход между кроватями, сталкивались и падали. По ним ступали следующие ученики, стремясь к заветной двери. Голые пятки давили животы, ребра и шеи упавших. Стоял невообразимый гвалт. Нижние пытались подняться, но на них сваливались новые тела. Каждый был сам за себя. Все отчаянно кряхтели, толкались и давили друг друга.

Те, кому удалось выбраться в общий коридор, устремлялись к узкой лестнице. Более проворные подростки натыкались в темноте на перепуганных малышей, шлепались вместе с ними на пол и вновь вскакивали, подминая мягкие неокрепшие детские тела. На крутой лестнице кто-то с криком покатился по ступеням. Об него спотыкались остальные. Плачущие дети ломали руки, разбивали лица и отчаянно вопили. Многие звали маму, хотя давно были сиротами.

Видя, что из палаты уже не выбраться, сообразительный высокий подросток выбил окно и прыгнул со второго этажа босыми ногами на осколки. Пока он выковыривал из пятки треугольную стекляшку, на него свалился заплаканный толстяк. Удар коленями пришелся по позвоночнику в районе поясницы. Высокий распластался на земле, попробовал отползти, но мгновенно онемевшие ноги его больше не слушались. Острая боль от порезов на ступнях также отпустила. Толстяк убежал. Худой подросток полз на локтях, с трудом волоча нижнюю часть туловища. Он еще не осознал случившееся, всепроникающий страх гнал его дальше от проклятого интерната.

Паника охватила не только школьников. Молоденькая воспитательница Любочка, дежурившая на первом этаже выскочила из корпуса первой. Она до крови защемила палец засовом на двери. Вспышка боли на несколько мгновений привела ее в чувство и заставила задуматься о причине страха. «Горим! Пожар!», – решила длинноногая Любочка и понеслась вскачь, забыв о детях, пока за спиной не оказался забор школы-интерната. Тут она остановилась, взглянула на вздувшийся палец и рухнула на траву. Заплаканные глаза смотрели на темное здание, детские крики напоминали о долге, но ни одна сила на свете не заставила бы Любочку вернуться в ту кошмарную пелену страха, из которой она только что выбралась.

На втором этаже интерната дети всех возрастов метались по палатам и коридорам, сбивая друг друга. Никто не догадывался включить свет. Даже на первом этаже мало кто соображал толкнуть захлопнувшуюся после Любочки дверь и выбежать во двор. Волны безотчетного ужаса гнали всех подальше от невидимого источника, словно в его эпицентре действительно бушевало жаркое пламя. Дети гуртом забивались в углы, долбили в стены и надсадно кричали. Паника усиливала страх и лишала остатков разума. Никто никому не помогал, маленькие и слабые оказывались под ногами высоких и сильных.

Марк Ривун устал. Он шипел уже не так мощно, как поначалу. Пружина страха, исходившая от него, ослабла. Школьники нашли двери и окна. Раздетые и покалеченные дети выбрались в прохладу июньской ночи и отхлынули от пугающего здания, как капли дождя с макушки зонтика.

Марк протер одеялом вспотевшее лицо и с минуту лежал молча. Этого было достаточно, чтобы определить состояние дел во всем корпусе. Оттопыренные уши зафиксировали стоны раненых и изменения в помещениях, вызванные массовым бегством. По распространению хрипов раздавленных малышей он легко определил, как сдвинулась мебель, какие двери распахнуты и где выбиты стекла.

Мальчик сел на кровать и огляделся. Глаза подтвердили сформировавшуюся в сознании картину. Двадцатичетырехместная палата была пуста. Кругом царил хаос. Разбросаны подушки и одеяла, сдвинуты кровати, перевернуты тумбочки, разбиты окна. Он знал, что подобное зрелище сейчас и в других комнатах. Достигнутый эффект ему понравился, но ни одна эмоция не отразилась на осунувшемся лице подростка.

Марк спокойно оделся, прихватил узелок с заранее подготовленными вещами, прислушался. Ничего не изменилось. Все, кто мог, покинули территорию интерната. В корпусе, кроме него, оставалось пять человек. Две раненые девочки и один мальчик на лестнице лежали и не могли подняться. Еще один паренек с кряхтением полз в коридоре первого этажа, постепенно перемещаясь к выходу. А пятой была директриса Зоя Ефимовна.

Видимо, она проснулась позже всех. Марк слышал, как сжались освобожденные пружины ее кровати, тапки с твердой подошвой грузно прошлепали к окну, как разъехались по деревянной палке металлические кольца штор. Идиллия, да и только. Но он прекрасно помнил и другие звуки из квартиры директрисы, которые ему не давали покоя в последний месяц. Чмокающие полизывания самой красивой девочки класса Маруси Сиротиной и вздохи вожеления Зои Ефимовны. Очередная симпатичная девчонка отрабатывала подачки в виде сладостей у властной похотливой директрисы.

Так продолжалось все годы, что Ривун провел в интернате. Но предыдущие униженные девчонки Марку были безразличны. Иное дело – красивая сверстница Маруся Сиротина. Вот уже два месяца по субботам жирная директриса уводила ее к себе. Марк затыкал уши и накрывался подушкой, но его организм все равно продолжал слышать развратные движения языка подневольной девочки.

Под тонкой кожей на висках Марка вздулись змейки вен. Он изменит свой план – сразу покинуть интернат. Сначала он направится в пристройку, где располагается квартира директрисы, и нанесет ей «дружеский» визит. У него еще остались силы, чтобы «поговорить» с ней на языке болезненного душераздирающего шума.

При выходе из палаты прямо у двери Марк с удивлением наткнулся на распластанного Вовку. Удивила не беспомощная поза единственного приятеля, а то, что, находясь буквально за стенкой, да еще и при открытой двери, Марк не расслышал его! Он не зафиксировал ни шороха, ни дыхания. Такого не может быть! Неужели его дар, слышать всё, изменил ему?

Ривун склонился над неподвижным телом, понял, что Вовка не дышит, и сразу успокоился. Проверять пульс ему не требовалось. На таком расстоянии Марк расслышал бы малейшее биение сердца. Всё в порядке, его талант никуда не исчез. Просто мертвые не издают звуков. Это он уже знал.

Перед дверью в квартиру директрисы Марк остановился и произвел совершенно лишний, на его взгляд, ритуал – постучал. В детстве он долго не мог понять, зачем люди предупреждают стуком или звонком, если прекрасно слышны шаги подошедшего к двери. Только позже открылась удивительная тайна: оказывается, возможности его слуха намного превосходят возможности любого другого человека.

По прогибающимся половым доскам прошлепали тапки, дважды щелкнул ключ, и перед Марком предстала испуганная Зоя Ефимовна в короткой ночной рубашке. Женщина обхватила подростка, прижала к мягкому животу и растеряннo запричитала: «Пожар, пожар, пожар». Марк представил, что вот так же в рыхлое тело вжималось бледное лицо Маруси Сиротиной с огромными голубыми глазами. А потом жирная ладонь настойчиво опускала ее ниже, к краю рубашки. Только испуганной девочке директриса говорила другие слова, с обещанием конфет и леденцов.

Марк оттолкнул ненавистную директрису. Узко посаженные мутно-серые глаза подростка затуманились, уголки бровей у переносицы поползли вверх, тонкие губы зашипели:

– Ссука, жжирная ссука...

Женщина разом отпрянула, словно ее оттолкнула мощная волна. Голос подростка становился всё ниже, тяжелее, неразборчивее, только на шее, обезображенной шрамом, размеренно двигался острый кадык, а на лице едва уловимо шевелились губы. Вскоре директриса уже не слышала неприятного слова, но невидимые волны, исходившие от щуплого мальчишки, сделались интенсивней и мучительней. Неясный страх, разбудивший женщину, вновь раскручивал обороты. Ужас становился насыщенным и осязаемым. Он захлестывал, давил и рвал на части.

Она отступила в глубь комнаты, шлепнулась на кровать, подогнула ноги, пытаясь защититься. С дрожащих губ срывался монотонный стон беспомощной женщины. Однако вид похабно развалившейся на перине плоти привел Ривуна в бешенство. Он наседавал на директрису и изрыгал ругательство за ругательством. Мальчик хорошо слышал издаваемые им

самим звуки, но давно убедился, что больше никто их не слышит. В специально прочитанной книжке это называлось инфразвуком. Но для Марка Ривуна такой границы не существовало. Он не только слышал в инфразвуковом диапазоне, но и мог порождать подобные звуки.

Сейчас Марк очень старался. Он видел, какие мучения производит его голос, и хотел их максимально усилить. Зоя Ефимовна беспомощно отгораживалась от неведомой силы руками и ногами, закрыла глаза и отвернула лицо, но Марк к ней и не думал прикасаться. От невидимых волн, проникавших в сердце и мозг, невозможно было укрыться. Панический ужас сопровождался разрастающейся болью в голове и груди. Женщина обреченно закричала. Естественные колебания внутренних органов и мозга вошли в резонанс с внешним воздействием. Первым не выдержало сердце. Оно остановилось.

Жуткий крик подростка оборвался на самой мощной ноте. Обессиленный Марк рухнул на пол. Острые лопатки вздымали тонкую ткань вылинявшей рубашки. У него не было сил подняться и пошевелиться, но он знал главное. Единственный живой человек в этой комнате – это он, всеми избегаемый и нескладный уродец с кривой шеей.

Через полчаса мальчик поднялся. Не глядя на труп в кровати, он забрал из-под белья в комод припрятанные деньги и навсегда покинул интернат, в котором провел почти всю свою жизнь.

На рассвете 23 июня 1942 года Марк Ривун вышел из Острогжска в восточном направлении. С запада накатывал гром приближающейся войны, которая уже год двигалась по просторам Советского Союза. Пока ее слышал здесь только Марк.

Через час худого тщедушного паренька подобрала сердобольная баба на телеге с двумя малышами. Она бы наверняка равнодушно проехала мимо, жалея голодную лошадь, но Марк сам попросил ее. К собственному удивлению, женщина не смогла отказать мальчишке с каменным лицом и изуродованной шеей. Для Марка в этом не было ничего необычного. Его способности не ограничивались нагнетанием страха. Когда требовалось, он мог произнести просьбу таким голосом, что каждый охотно стремился ему помочь.

В школе-интернате всеобщий страх рассеялся только с восходом солнца. Воспитатели собрали и пересчитали разбежавшихся детей. Итоги таинственной паники оказались печальными. Трое воспитанников погибли в давке, еще несколько получили серьезные травмы, один пропал. В своей постели умерла многолетний директор интерната, заслуженный учитель, коммунист с дореволюционным стажем Зоя Ефимовна Шехтель. Приехавший врач констатировал разрыв сердца.

К полудню подкатил помощник военного коменданта города лейтенант Сибиряков. Его подвезли артиллеристы, вывозившие за реку боеприпасы. Пока лейтенант разбирался в странном происшествии, шофер полуторки бегал за водой для перегревшегося двигателя. Никто не мог внятно объяснить, отчего возникла ночная паника. Несмотря на твердое убеждение Любочки, что в школе был сильный пожар, Сибиряков никаких следов огня, запаха дыма или хотя бы сгоревшей тряпки в здании не обнаружил.

Тратить время на поиски причины глупых детских страхов лейтенант не собирался. С приближением фронта были дела и поважнее. Стоя у раскрытой дверцы автомобиля, он смотрел на вздымающуюся грудь Любочки под ситцевым платьем и колебался, дать разрешение на немедленные похороны погибших детей или перевезти их в морг при больнице. Но окончательно определиться он не успел.

В отличие от лейтенанта Сибирякова Марк Ривун задолго расслышал гул немецких бомбардировщиков. Эскадрилья из шести самолетов пролетала над северной окраиной Острогжска. Маленький городок с разбомбленной железнодорожной станцией их уже не интересовал. Но один из «Юнкерсов» неожиданно отклонился от общего курса и спикировал к зданию школы-интерната. Внимание пилота привлекло скопление людей у дома казарменного типа

и стоявшая рядом машина с военными. Первая бомба угодила в пристройку школы, обрушив угол здания, а вторая шлепнулась прямехонько под колеса грузовика. Снаряды в кузове тут же сдетонировали. Геройство лейтенанта, незадолго до второго взрыва накрывшего собой Любочку, оценить девушке было не суждено. Взрывная волна превратила их молодые тела в кровавую грязь.

Грохот взрыва двух тонн артиллерийских снарядов слышал уже не только Марк Ривун. Баба, управлявшая телегой, вздрогнула, перекрестилась и поддала несколько раз поводьями по грязному крупу старой кобылы. Некоторое время после этого телега катилась быстрее.

Глава 2

Марк Ривун, в отличие от других обитателей детского дома, а затем и школы-интерната, никогда не мечтал о маме с папой и не задумывался о своем происхождении. Единственной сферой его интересов были звуки. Эта всепоглощающая страсть овладела его сознанием, кажется, еще в утробе матери.

Персонал роддома № 1 трудно было удивить громкими именами пациенток. Роддом являлся первым в Москве не только по номеру, но и по статусу. Жены многих известных персон прошли через заботливые руки местных врачей и акушеров. Но даже на их фоне киноактриса и певица Рая Коршунова была настоящей знаменитостью. Она прославилась благодаря патристическому фильму «Колхозница», в котором сыграла главную роль. Фильм вышел весной 1930 года, а к сентябрю, когда Рая попала в роддом, половина городских барышень носили прическу, как у героини фильма. Даже деревенский платок, который актриса неизменно стлкивала на шею, вновь вошел в моду в обеих столицах.

Успех обаятельной артистке принес не только немой фильм, но и популярная песенка, звучащая в то лето по радио чуть ли не чаще, чем речи товарища Сталина. По фильму зрители узнали неотразимую внешность Раи Коршуновой, а песня донесла до всех замечательный голос красотики. Наступающая эпоха звукового кино обещала принести Рае Коршуновой всенародную славу.

Но жизнь распорядилась иначе.

Песни для Раи писал знаменитый композитор Александр Рамазинский. Вся театральная Москва только и говорила, что сорокапятилетний Рамазинский с первого взгляда безумно влюбился в белокурую красавицу Раю и отбил ее у не менее выдающегося, но еще более пожилого кинорежиссера. С тех пор давние друзья, режиссер и композитор, открыто враждовали, и новый музыкальный фильм с участием Коршуновой постоянно откладывался.

Сразу после съемок «Колхозницы» Рамазинский и Коршунова поженились. Народ охотно обсуждал перипетии любовного треугольника знаменитостей, и то, что роды у Раи случились пораньше, чем истекли девять месяцев после свадьбы, придавало этой истории особую пикантность.

В роддоме Рае Коршуновой, естественно, отвели отдельную просторную палату с видом на тихий двор, а роды у нее готовилась принимать сама заведующая отделением Нинель Абрамовна Клячман.

Когда ранним утром 12 сентября у актрисы начались схватки, Нинель Абрамовна, разбуженная дома телефонным звонком, отказалась от предложенного автомобиля. Сначала она сварила традиционный кофе, посмаковала любимый напиток и лишь затем отправилась пешком на работу. Жила она рядом с роддомом, в Арбатских переулках, и была уверена, что не опоздает. «Первенец дается женщине для испытания, – любила говорить опытный врач. – А испытание скоротечным не бывает».

Роды у знаменитой актрисы проходили тяжело.

– Давай, девочка, тужься, кричи. Кричи сколько хочешь, – подбадривала Раю Нинель Абрамовна, третий час опекая измученную роженицу.

Но просить об этом было излишним. Голосистая Коршунова вопила от души. В родилку заглядывали любопытные коллеги, желая первыми узнать, кто появился у звездной четы: мальчик или девочка. Строгая Клячман шикала на них и все более хмурилась. Происходило нечто странное. Плод шевелился, когда роженица молчала. Но как только она начинала тужиться и кричать, плод замирал и схватки прекращались. Нинель Абрамовне грешным делом даже показалось, что младенец затихал, чтобы послушать истошный голос матери.

Так продолжалось несколько часов. Наконец, обессилив от собственного крика, измученная Рая закусила губу и умолкла. Она вспомнила, как прекрасно переносила беременность, пела и выступала вплоть до последних месяцев, и ребеночек не тревожил ее. Она была уверена, что поет не только для зрителей, но и для будущего малыша. Он всегда затихал и благодарно слушал ее, а ворочался только ночью, словно ему мешала тишина.

Невозмутимая акушерка Клавдия вытерла пот на лице актрисы и промокнула выступившую на губах кровь. Всё затихло. Нинель Абрамовна подумала, что в схватках наступил перерыв и она может на несколько минут удалиться, чтобы привести себя в порядок. Но тут произошло долгожданное чудо. В абсолютной тишине плод довольно легко вышел на свет. Бледная, как простыня, актриса мужественно терпела боль.

Врач и акушерка переглянулись. Мальчик! По женским глазам было видно, что под марлевыми повязками у обеих губы растянулись в победную улыбку. Акушерка засуетилась около младенца, а врач приводила в чувство потерявшую сознание Коршунову.

Когда первые хлопоты закончились, акушерка вспомнила, что младенец до сих пор не пискнул. Он вращал глазками, двигал пальчиками, но не произнес ни звука. Клавдия любовно обняла мальчика и шлепнула ладошкой по попке. Сколько раз она проделывала эту нехитрую процедуру, после которой раздавался первый писк хрупкого организма. Голосок у деток был разным, но неизменно вызывал радость у роженицы и умиление у акушерки.

На этот раз младенец закричал неожиданно низко. Он вскрикнул, словно пробуя голос, и зашелся в жутком неприятном вопле с изменяющейся тональностью. У акушерки от испуга дрогнули руки, и она чуть не выронила мальчика. С трудом, подавив брезгливость, Клавдия опустила новорожденного в передвижную люльку и, пошатываясь, отошла к окну. Пальцы сами собой сложились в щепотку, старая акушерка бисто перекрестилась. Нинель Абрамовна плюхнулась на стул и рефлекторно прикрыла уши ладонями. На лице роженицы застыла гримаса усталости и разочарования.

А ребенок кричал с азартом первооткрывателя. По всему было видно, что он получал наслаждение от собственного голоса. Оттопыренные ушки ловили звуковые волны, и малыш пробовал все новые и новые тональности. Изучив весь диапазон своих возможностей, младенец умиротворенно умолк.

Нинель Абрамовна с трудом вернулась в свой кабинет. Она приняла несколько успокаивающих таблеток и, закрыв глаза, откинула голову на спинку высокого кресла. Время шло. Голова болела, умиротворение не приходило. Из коридора донесся крик новорожденного. Голосил обычный младенец, но в памяти сразу всплыл тот самый жуткий голос ребенка Коршуновой. Он рядом и в любой момент может открыть ротик и напрячь голосовые связки, со страхом подумала Нинель Абрамовна.

Заведующая спешно покинула роддом и бесцельно плутала по московским улочкам под моросящим дождем. Когда женщина пришла в себя, то почувствовала смертельную усталость. Она узнала район, в котором оказалась, и решила пройти через стройку, чтобы быстрее попасть домой. На отвале влажного грунта пожилая женщина поскользнулась. Странное дело – она даже не вскрикнула. Она вообще не произнесла ни звука с тех пор, как вышла из родильной палаты.

На следующий день тело Нинель Абрамовны Клячман обнаружили в глубоком котловане строящегося высотного здания.

Глава 3

Через семь дней к роддому № 1 подкатил шикарный черный «кадиллак». В те времена в Москве чаще встречались извозчики, чем легковые автомобили, а уж подобный четырехдверный лимузин с высокой жесткой крышей и вовсе был большой редкостью. Усатый шофер в кожанке важно открыл заднюю дверцу. Оттуда с огромным букетом белых роз бодро выскочил композитор Александр Анатольевич Рамазинский. С глупой, но многозначительной улыбкой, свойственной всем обалдевшим от вынужденного счастья папашам, он исчез в высоких дверях парадного входа. Двадцать минут спустя в элегантном драповом пальто на пороге появилась несравненная Рая Коршунова. Букет она небрежно держала в районе талии. Сзади, неловко обнимая сверток с младенцем, следовал взволнованный композитор.

Защелкала фотокамера. Дежуривший с утра фотограф взял в прицел объектива звездную парочку. Певица поправила синий бант на младенце, кокетливо прижалась к мужу и заученно улыбнулась. Фотограф был счастлив. Трогательную сцену наблюдали все пациентки и сотрудники роддома, а также самые любопытные местные жители. Цветы в опущенной руке актрисы скрывали детали изменившейся фигуры, но, глядя на ее сияющее лицо и умело подкрашенные глаза, все соглашались, что красота Коршуновой отнюдь не пострадала.

Долго себя рассматривать актриса не позволила. Автомобиль со счастливой парой и маленьким сынишкой, блеснув на повороте хромированными вставками, покинул маленький дворик.

Акушерка Клавдия, прятаясь в окне за шторкой, трижды перекрестилась и еле слышно помолилась. Хотя сын Коршуновой, нареченный Марком, после родов вел себя на редкость тихо, акушерка всеми силами сторонилась младенца и с опаской обходила палату актрисы. А когда стало известно о нелепой смерти Нинель Абрамовны, у Клавдии ноги подкашивались еще на подходе к роддому. Проводив тревожным взглядом автомобиль композитора,

акушерка почувствовала невероятное облегчение, словно отмылась от жирного слоя смердящей грязи. Неделию назад она мечтала, как будет хвастаться во дворе, если доведется принимать роды у знаменитой Раи Коршуновой. Но сейчас она многое бы отдала, чтобы в тот день не оказаться на работе.

Автомобиль между тем выехал к Москве-реке и помчался по пустынной набережной. Александр Рамазинский впервые видел сына так близко. Все время после родов из-за строгих санитарных правил он мог общаться с женой только через стеклянную перегородку.

Рамазинский испросил согласия юной мамы и поднял вуалевую накидку с личика младенца. Ребенок приоткрыл заспанные глазенки и с интересом посмотрел на папу. Толстые выступающие губы Александра Анатольевича расплылись в умильной улыбке. На пятом десятке лет он впервые стал отцом.

– Марк, Маркуша, – резвый композиторский палец задвигался перед маленькими глазками. – У-тю-тю.

Ребенок проследил за бессмысленными движениями взрослого и недовольно вскрикнул.

– Ух ты! Горластый! – радостно удивился Рамазинский и дотронулся до крошечного носика.

Это была роковая ошибка известного композитора. Далее катастрофа развивалась стремительно. Марк разинул розовый ротик и издал звучный утробный крик. Низкий голос столь не соответствовал хрупкому тельцу, что опешивший Александр Анатольевич отдернул руку и выронил младенца. Сверток шлепнулся на сиденье и скатился под ноги. Притихшая в мягком кресле Зоя отшвырнула букет под стекло и наклонилась за ребенком. Упавший Марк закричал жутко и яростно. Зоя отшатнулась. Рамазинский закрыл глаза и заслонился ладонями. Шофер в испуге крутанул руль к обочине. Автомобиль съехал с трассы и влетел под низкую наклонную опору моста.

Железная балка чиркнула по капоту, разнесла лобовое стекло и с диким скрежетом сорвала крышу автомобиля. Искореженный лимузин, в мгновение превратившийся в кабриолет, выкатился из-под моста, ткнулся в дерево и заглох. На заднем сиденье мирно покоились две обезглавленные фигуры. Белые розы рассыпались по багажнику и устилали асфальт под мостом.

Распахнулась водительская дверца, на дорогу вывалился шофер с изрезанным лицом. Перед столкновением он успел наклониться. Балка не задела голову, но размозжила правое плечо. Водитель в страхе отполз от машины, посередине набережной поднялся и, пошатываясь, добрался до парапета. Здесь он обернулся. Поясница уперлась в каменные перила, безумные глаза затравленно смотрели на развороченный автомобиль. Всё стихло. Но ужас, исходящий от «кадиллака», продолжал незримо давить. Голова водителя запрокинулась, он потерял равновесие и плюхнулся в реку.

Маленький виновник трагедии мирно лежал под ногами обезглавленных родителей. Он совершенно не пострадал. В момент удара Марк затих и с удивленным благоговением впитывал новые для себя звуки: скрежет железа, бой стекла, звон лопающейся стали, хруст сломанного черепа отца, и разрыв мышц на шее матери. Он легко делил общий шум на отдельные составляющие, и каждая из них была чрезвычайно интересной. Гениальный младенец расслышал даже всплеск от упавшего в воду шофера, шлепки беспомощного барахтанья, бульканье всплывающих пузырей и шорох песка на дне, от увлекаемого течением тела. С этого момента он знал о реке гораздо больше, чем если бы просто взглянул на нее или потрогал.

Осиротевшего Марка передали на воспитание двоюродному брату композитора театральному критику Семену Львовичу Рамазинскому. Вместе с наследником брату отошла пятикомнатная квартира композитора в центре столицы и немалые сбережения. Со вкусом обставленная квартира Семену Львовичу понравилась, чего нельзя было сказать о двоюродном племяннике.

Пожилой одинокий критик детей не любил. И это мягко сказано. Он терпеть не мог плаксивых и капризных маленьких ублюдков, которые одним своим появлением начисто ломали сложившийся уклад жизни солидных родителей. Если у кого-то из знакомых появлялся ребенок, Семен Львович надолго терял к ним интерес, не приглашал к себе и, боже упаси, не переступал порог квартиры, пропахшей сохнувшими пеленками.

Но, видимо, каждый человек имеет в душе заряд любви, который надо на что-то расходовать. Объектами обожания Семена Львовича по молодости были смазливые актрисы, а после сорока, пресытившись краткосрочными романами, он неожиданно переключился на собак. Ему нравилось разгуливать по бульвару с крупным породистым псом, вежливо приподнимать шляпу при виде полезных знакомых и наблюдать животный страх в глазах мамаш, отдергивающих в сторону бестолковую малышню.

Сопливы́й племянник ему был совершенно не нужен. Однако сразу избавиться от него он не мог, это сочли бы верхом неприличия. На пышных похоронах знаменитого родственника и популярной певицы Семен Львович оказался в центре внимания сливок Московского общества. Все сочувствовали ему и заверяли, что чудом спасшийся младенец наверняка унаследовал талант родителей, и надо лишь дать мальчику достойное образование. Семен Львович неизменно кивал и заверял, что это его священный долг. Как всякий советский критик, он умел говорить одно, а думать совершенно другое.

Пришлось взять Марка к себе и нанять няню. И все бы ничего, если бы не вскрывшаяся странность. Многокомнатная квартира композитора, в которую переехал критик Рамазинский, позволяла вообще не встречаться с племянником. Но с маленьким Марком не могла ужиться ни одна няня. Кто-то сбегал через два дня, кто-то через две недели, но ни одну невозможно было уговорить остаться даже за двойное жалованье.

– В чем дело? С несмышленным ребенком не можешь управиться? – укоризненно спрашивал Семен Львович очередную насупившуюся няню.

– Мальчик он симпатичный. Можно сказать, тихий мальчик. Но иногда так закричит... – пожилая няня отводила глаза.

– Все дети плачут. Что тут такого?

– Дети пищат. У них голосок ангельский. А ваш... Он не хнычет, не плаксится, как остальные. Он ревет!

– Понимаю. Самому не нравится, но что ты хочешь? У Маркуши на глазах родители погибли страшной смертью.

– Вот и мне страшно, когда он ревет. Не могу себя заставить к нему подойти, бежать хочется, куда глаза глядят. Вы уж извините меня, Семен Львович, но не могу я с ним. Отпустите. Может, нервы уже не те. Найдите няню помоложе.

Но с молодыми нянями происходило то же самое. Большинство исчезали без предупреждения, даже не требуя оплаты.

И настал день, когда Семену Львовичу пришлось ухаживать за племянником самостоятельно. Очередная няня неожиданно сбежала, а новую сердобольные знакомые обещали прислать только завтра. Рамазинский, конечно, мог себе позволить свободный график посещения редакции. Но вечерами в дни премьер его присутствие в театре было обязательным. А осень, как известно, пора самых важных премьер.

В этот вечер театр Мейерхольда давал официальную премьеру «Бани» Маяковского. Это была первая постановка скандальной пьесы после громкого самоубийства поэта весной этого года. Подробная рецензия на следующее утро всенепременно должна была лежать на столе главного редактора.

Вечером Семен Львович брезгливо перепеленал малыша, сунул в склизкий ротик с прорезающимися зубками бутылочку молока с соской и стал дожидаться, пока тот насытится и закроет наглые глазки. Более хлопотного дня в своей жизни он не припоминал. Уход за ребен-

ком извел его окончательно. Ему казалось, что он насквозь пропах неприятным запахом детских выделений, который теперь никогда не выветрится. Вдобавок верный бульдог Герцог явно взревновал хозяина к малышу и постоянно лаял, заявляя о своих правах на прогулку.

Измотанный критик посмотрел на часы. Не хватало еще из-за несмышленища опоздать на важную премьеру. Семен Львович громко выругался, и на бодрствующего ребенка, и на наглого кобеля, трущегося под ногами, махнул на обоих рукой, накинуд плащ и выскочил под промозглый московский дождик.

На спектакль он успел. До окончания представления критик выкинул из головы домашние проблемы. Затем последовала небольшая пьянка для избранного круга, которую для приличия называли фуршетом. Семен Львович, активно налегая на дармовую выпивку, старался не забывать о главном. А главным для опытного критика было выяснить отношение ответственного работника комиссариата культуры к неоднозначной постановке. Но хмурый чиновник, сославшись на недомогание, покинул мероприятие неприлично рано. Что это: черная метка для постановки или слабость здоровья кабинетного работника? От правильного ответа зависел общий характер будущей рецензии.

Раздражаясь от неопределенности, Семен Львович выпил значительно больше, чем следовало. В голове сталкивались две прямо противоположные идеи. Разгромить постановку или написать хвалебную оду гению Мейерхольда. И то и другое прожженный критик мог сделать мастерски. Причем в качестве аргументов использовал бы одни и те же факты. Мысли путались, раздражение нарастало.

В этом сумбурном состоянии Рамазинский за полночь ввалился в квартиру. Его встретили вопли ребенка и описанные собакой тапочки.

– Что б вас черти изжарили! – выругался критик, прошел в комнату и первым делом пнул нашкодившего пса.

Ребенок ворочался на мокрой от молока подушке. Бутылочка с выпавшей соской лежала рядом. Семен Львович выдернул подушку, отшвырнул ее и в сердцах приказал Марку:

– Спи! Изверг!

Однако малыш не успокоился. Увидев слушателя, он завопил еще громче и противнее.

Рамазинский хлопнул дверью, прошел в кабинет и попытался сосредоточиться над чистым листом бумаги. Он понимал: статью надо написать сейчас. С утра замучит похмелье и будет не до работы. Но к вою ребенка добавился скулеж обиженного Герцога. Работа не шла, не рождалась даже первая фраза рецензии. Семен Львович потер виски, зажал уши. От голоса пса удалось отгородиться, однако рев малыша по-прежнему сверлил сознание тупой болью. Он скомкал бумагу, придвинул свежий литературный журнал. Люди романы пишут, повести, а он над статейкой паршивой мучается!

Пальцы сжали красивый канцелярский нож, блестящее лезвие беспорядочно рвало склеенные страницы толстого журнала. Однообразное занятие не успокоило. Тихий крик ребенка вонзался в голову, застревал в ней и накапливался разъедающей кислотой. Терпеть боль становилось невыносимым.

Рамазинский оттолкнул стул, метнулся в комнату племянника. Ладонь шлепнула по выключателю, глаза выхватили приоткрытый рот и напряженное горло малыша. От яркого света Марк закричал громче. Обезумевший Семен Львович зажмурился и ударил по источнику своей боли – тонкой шее ребенка.

Крик стих. Семен Львович открыл глаза и увидел, как на белой простыне в маленькой кровати расплывается алое пятно. Пальцы разжались, об пол звякнул окровавленный канцелярский нож. Вместе с тишиной отступала боль. Ее место занимал страх. Он – убийца ребенка! Рамазинский вмиг отрезвел.

Вся жизнь наперекосяк из-за безмозглого сосунка? Ну, уж нет. Сознание подыскивало варианты. Избавиться от тела? Но все знают, что он воспитывает племянника. Можно все

списать на сбежавшую няню! Она действительно сбежала, сучка, даже не предупредив. Но ее наверняка найдут, сопоставят время и выяснят, что она не виновна.

Взгляд упал на вошедшего в комнату бульдога Герцога. Семен Львович слышал, что собаки иногда нападают на детей. Вот и спасение! Он пришел поздно и обнаружил, что пес загрыз ребенка. А что? Ребенок постоянно кричал, это подтвердят няни. Собака не выдержала и перегрызла ему горло. Все поверят! Надо только...

Семен Львович ухватил пса за ошейник и подпихнул к невысокой кровати. Герцог сопротивлялся.

– Ешь, миленький, кушай. Я же тебя забыл покормить.

Рамазинский ткнул бульдога мордой в кровавую рану на детской шее. Пес отпрянул.

– Жри, бестолочь! Выручай хозяина!

Герцог упирался передними лапами. Семен Львович силой поднял одну из лап животного и ударил ею по горлу ребенка. Растопыренные когти оставили на шее рваные следы. Рамазинский повторил удар еще и еще раз. Собака взвизгнула, вырвалась и убежала.

Семен Львович отдышался и осмотрел кровавую рану. Удар ножом пришелся вскользь. Тупой клинок оставил рваные края на нежной коже, большие когти изуродовали шею значительно больше. Теперь все факты говорили о нападении взбесившегося пса на ребенка. Рамазинский вымыл нож и вызвал карету «скорой помощи». До приезда врачей предстояло надыхаться разрезанной луковицей, чтобы слезы горя выглядели натурально.

Его версия сработала четко, все поверили. Но, что удивительно, истекающего кровью младенца удалось спасти. Врачи выходили малыша, хотя на его шее остался безобразный шрам. Бульдога Герцога ветеринары выловили под кроватью и в тот же день усыпили.

Когда шумиха стихла, Семен Львович забрал племянника из больницы и перевез в детский приют подальше от Москвы. При регистрации мальчика на вопрос о фамилии Рамазинский назвал первое пришедшее на ум слово: Ревун. Он всегда ассоциировал племянника с ревом и криком. Медсестра не расслышала и записала фамилию через «и».

Так в детском доме города Острогожска появился полугодовалый малыш Марк Александрович Ривун.

Казалось бы, всё самое худшее в жизни театрального критика уже позади. Однако после печального события Семен Львович Рамазинский замкнулся, не появлялся в обществе и со временем напрочь потерял политическое чутье, так необходимое советскому газетчику. Когда в 1935 году в преддверии очередной годовщины революции он опубликовал статью, восхваляющую известного драматурга, незадолго до этого попавшего в серьезную опалу, власти восприняли это как открытый вызов партии и наглый плевок в лицо трудового народа. Вражескую сущность Семена Львовича сначала обличили на трудовых собраниях, а затем он бесследно исчез. Интересоваться судьбой пропавшего критика никто не отважился.

Глава 4

Оказавшись в детдоме, маленький Марк Ривун вел себя на редкость тихо. После сложной операции рана на шее мальчика заживала медленно, и любое движение ртом вызывало боль. Но даже когда шрам полностью зарубцевался, малыш, словно понял, что крик приносит ему сплошные неприятности и выгоднее оставаться молчуном. Нянечкам тихий ребенок был только в радость. Здесь привыкли к задержкам в развитии детей и не обращали внимания на мальчика, продолжавшего молчать и в те годы, когда сверстники уже вовсю лопочут.

Марк постигал окружающий мир с помощью слуха. Его оттопыренные ушки улавливали всё многообразие звуков, в том числе, малейшие звуковые колебания, неразличимые для остальных. Мальчик жадно впитывал их, мысленно воспроизводил и запоминал. Марк не делил звуки на плохие и хорошие, веселые и страшные, красивые и неприятные. Ему одинаково интересны были: грубый скрип панцирных кроватей и звонкое пение птиц, грохот товарного поезда и мелодичная песня по радио. Услышав человека однажды, он мог потом легко узнать его по одному слову или покашливанию. Но чаще и этого не требовалось. Маленький Марк без труда определял любую воспитательницу по звуку шагов в коридоре или характерному шороху ее одежды.

В три года Марк знал звуковые портреты всех постояльцев детского дома, а также предметов, способных издавать звук. Каждая дверца, кровать, шкаф, тумбочка для него были разными, ведь они обладали индивидуальным голосом. Он легко определял, открыта или закрыта любая дверь или форточка, ведь от этого зависело распространение звука внутри помещения.

Одно время мальчик увлекся непостижимой для всякого другого человека игрой. Он вспоминал какого-нибудь воспитателя или ребенка и на слух определял, в какой комнате в данный момент тот находится и чем занимается. Потом бежал и проверял. Ошибок не было, и вскоре пустая игра Марку наскучила. Его слух развился настолько, что ночью он различал сопение каждого малыша в соседних палатах, а утром мог рассказать про любую из девочек, располагавшихся этажом ниже, какие предметы одежды она надела и сколько пуговиц и крючков застегнула.

Однажды в детский дом на грузовичке привезли новые кровати. Пока их разгружали, водитель, открыв капот и сдвинув на затылок кожаную кепку, смотрел на неровно тарахтящий двигатель и чесал за ухом.

– Чего ж тебе надо, окаянная? Какую заменить? – зудел он под нос. – Свеча у меня всего одна. И заглушить нельзя, не заведешься. А вдруг не угадаю. Кукуй потом здесь.

Его слова вряд ли кто-нибудь мог разобрать. Ребяшня, столпившаяся вокруг грузовика, вовсю глазела на чудо техники и непонятный агрегат под капотом, пахнувший бензином. И только для Марка голос шофера и треск двигателя не представляли никакого секрета. Он уже знал и зафиксировал в памяти звучание этого автомобиля. В этот раз рокот был иным. Двигатель явно барахлил. Марк «видел» ушами конструкцию мотора и неработающий цилиндр. Услышав вновь мучительный вопрос шофера, мальчик решительно ткнул пальцем в дрыгающийся провод.

Он отошел, потеряв интерес к грохочущему агрегату. Когда через несколько минут двигатель заурчал ровно, Марк равнодушно встретил удивленный взгляд усамого шофера.

Ривун слыл смирным и послушным мальчиком. Его невозможно было застать врасплах за чем-то недозволенным. Он неизменно удивлялся, почему остальные мальчишки часто попадают на шалостях. Разве они не слышат, как к двери подходит воспитатель, как отодвигается занавеска в кабинете заведующей, как скрипят сапоги строгого сторожа? Ведь они не глухие!

Постепенно он понял, что окружающие его люди получают информацию в основном с помощью зрения. Пока человек не появился у них перед глазами, они его не замечают, а в

темноте вообще становятся беспомощными. В пять лет Марк Ривун окончательно убедился, что все остальные слышат гораздо хуже, чем он.

В соседней палате тяжело заболел отчаянный сорванец Ванька Рошин. Ему разрешили лежать днем, и воспитатели тайно радовались, что шума и гомона стало меньше. По ночам Ваня дышал тяжело и редко. Однажды под утро его дыхание стало прерывистым и затем остановилось. Марк прекрасно слышал это и понял, что Ваня Рошин умер. Он уже знал, что мертвый человек не издает звуков. Утром мальчишки встали как обычно и не обратили внимания на притихшего Ваньку. Даже нянечка шикнула на ребят:

– А ну, потише, шалопаи. Пусть Рошин поспит. Ему сил надо набраться.

Только в середине дня она подошла к больному, подозрительно пригляделась и поспешила к заведующей. Вернулись они вместе с медсестрой. Три женщины склонились над неподвижным Ванькой. Рядом сгрудились любопытные мальчишки.

– Пульс щупай, – советовала заведующая.

– Ему укол надо, – шептала няня.

– Почему не проследили, чтобы он утром таблетку выпил? – злилась медсестра.

– Ванька, хорош прикалываться, – кричал его дружбан Сенька Рыжиков, по прозвищу Рыжик. – Открой моргала.

Потрясенный Марк Ривун сидел на корточках в коридоре, уткнувши голову в колени.

Разве они не слышат, что его сердце не бьется? Я знаю это даже отсюда, из-за стены, а они находятся рядом! Как можно не слышать сердце и дыхание человека, если ты от него на расстоянии вытянутой руки?

В этот день Марк сделал ошеломляющее открытие. То, что для его слуха норма, для других – недостижимая вершина. Он обладает уникальным даром слышать то, что недоступно никому другому.

Но хвастаться удивительными способностями Марк не собирался. Сверстники его сторонились, в детских играх он не участвовал, воспитатели давно махнули рукой на недоразвитого мальчика. Вынужденное одиночество не тяготило Марка. Когда дети играли во дворе, он отходил в сторону, выбирал открытое место и жадно слушал окружающий мир. Это занятие доставляло ему гораздо большее удовольствие, чем любые подвижные игры. Все соседние улочки и дворы были давно прочитаны его ушами, и каждый местный житель запечатлен в звуковой памяти.

Но близлежащим пространством Марк Ривун не ограничивался. Закрыв глаза, он трепетно разделял сложные шумы на отдельные составляющие и узнавал, что на востоке от детдома течет спокойная река, через которую перекинут автомобильный мост на толстых каменных ногах. У широких прибрежных опор часто скапливались ветки, и пенилась мутная вода. С противоположной стороны реки в город шли груженные машины, а обратно – пустые. Ниже по течению находился железнодорожный мост с большими дугообразными фермами, о которые затейливо дробился перестук колес редких поездов.

Сам город лежал южнее детдома. Основная улица тянулась вдоль реки. Она была широкой и прямой, потому что все звуки оттуда последовательно нанизывались друг за другом, как цветные кольца на детской пирамидке. Марк определил, что переулки, примыкавшие к улице, застроены дощатыми домами с густыми палисадниками. Это легко было узнать по колонкам с водой, торчавшим вдоль главной улицы. Звон ведер рядом с ними был один, а как только человек отходил в сторону, листва мягко глушила металлический звук, а потом его пытались скрыть деревянные перегородки.

На дальней окраине города недавно началась стройка. Сначала шумные механизмы рыли котлован, а затем рабочие стали возводить высокие кирпичные стены.

Жизнь в городе протекала монотонно. Изредка по праздникам в городском парке у реки из двух хриплых динамиков струилась танцевальная музыка, а когда темнело, громко хохотали пьяные женщины, и случались драки.

Молчал Марк Ривун до семи лет. Возможно, молчание продлилось бы и дольше, если бы однажды летом 1937 года в какофонии звуков он не уловил свое имя. В кабинете заведующей его обсуждали две женщины.

– Я готовлю списки для перевода детей в школу-интернат, – уверенно говорила заведующая, макнув перо в чернильницу. Марк слышал, как стальное острие пронзило тонкий слой чернил и ткнулось в стеклянное донышко. – В твоей группе, Нина, немой мальчик с безобразной шеей. Как его...

– Марк Ривун.

– Да-да. Для нормальной школы он не подходит. Придется отправить в психиатрическую больницу. Подготовь завтра бумаги.

– Больница – ведь это навсегда, – несмело возразила воспитатель. – Может, направим мальчика в школу для глухонемых?

– А он что, соображает?

– Мне кажется, мальчик достаточно развит, всё понимает, только говорить не умеет.

– Только! – усмехнулась заведующая. – Ривун не знает языка глухонемых. Как он будет учиться?

– Он не глухой, он слышит.

– Что толку! Надо было раньше перевести его в специнтернат и не мучиться.

– Я с ним никогда не мучилась. Он тихий. В больницу его всегда можно будет отправить.

– Впрочем, мне все равно. Подготовь бумаги для школы глухонемых. Теперь он – не наша забота.

Начало разговора Марк застал во дворе, где как обычно летом ловил ветер звуков в надежде познать что-то новое. В момент окончания беседы взволнованный мальчик стоял уже у двери кабинета. Ему не понравились слова «школа глухонемых». Это неправильно. Он не глухой. Все остальные глухие по сравнению с ним! Они не слышат и десятой части того, что слышит он! Зачем ему в школу глухих?

Марк открыл дверь и вошел в кабинет. Он никогда не стучал при входе, не понимая бессмысленного ритуала. Он не любил создавать дополнительные шумы. Вокруг и так клокочат бесчисленные звуки, от которых невозможно укрыться. По этой же причине сам Марк Ривун всегда перемещался очень тихо, почти неслышно для окружающих.

Щуплый мальчик появился за спиной воспитательницы словно из ниоткуда. Она обернулась, собираясь выходить, ойкнула и схватилась за сердце. Тучная заведующая выпучила глаза:

– Ты здесь? Как?

Марк по привычке молча указал на приоткрытую дверь, но понял, что сейчас решается его судьба и простого жеста недостаточно. Мальчик напряг непослушные голосовые связки и неуверенно произнес:

– Я... Я во... во-шел.

Онемевшие женщины, приоткрыв рты, таращились на мальчика. Марку не понравился первый произнесенный звук, и он попробовал еще:

– Я... слы-шу. Я не глу-хой. Я не глухой. Я слышу. – Он повторял эти слова несколько раз, меняя интонацию, пока не остался удовлетворен найденным тембром.

– Ты говоришь? – неуверенно спросила заведующая. Воспитательница осела на стул, продолжая держаться за сердце.

– Да. Я говорю. Я слышу и говорю. Я умею говорить. Отправьте меня в школу. В обычную школу. – Голос Марка окреп и звучал уверенно, однако сухо и хрипло, будто говорил не маленький мальчик, а уставший от жизни старик. Женщины, вместо того, чтобы радоваться

чудесному исцелению, продолжали смотреть на него настороженно. В их позах чувствовался плохо скрытый страх. Казалось, они чего-то боялись, но чего именно, и сами не могли объяснить.

В подсознании Марка возникли смутные обрывки воспоминаний, даже не воспоминаний, а ощущений: его голос – и чужой страх, его крик – и беда. Он молчит – и всё идет своим чередом, он кричит – и жизнь ломается. Сначала голос, затем ужас. Что-то было не так в этой последовательности. Ведь другие говорят – и ничего не происходит, кричат – и все терпят, поют – и люди восторгаются. Поют...

Когда звучит песня, многие замолкают и внимательно слушают, а на их лицах появляется необъяснимое умиление. Весной к празднику Первомая старшая группа разучивала песню о пионерах. Воспитатель ставила в граммофон пластинку с записью детского хора и требовала повторить слова. Конечно, Марк не участвовал в пении, но он с любопытством слушал, как скрипит иглолка в бороздках вращающейся пластинки, а затем через металлическую трубу, похожую на большой бутон гладиолуса, вырывается звонкий голос мальчика. Тот громко и радостно тянул куплет, а припев подхватывали шестнадцать новых голосов – десять девочек и шесть мальчиков. Единственный голос солиста дети слушали внимательнее, чем пение хора, а воспитательница неизменно улыбалась и кивала в такт мелодии. Марк припомнил почти девчачий голосок маленького солиста и попытался в точности его воспроизвести.

– Меня зовут Марк Ривун. – Получалось похоже, и ободренный Марк продолжил: – Я пришел к вам, потому что очень хочу в школу. Я мечтаю учиться. Не надо меня отсылать к глухонемым или в больницу. Я умею слушать и говорить. Поговорите со мной.

Заведующая расплылась в улыбке и ласково спросила:

– А почему же ты молчал до сих пор?

– Болело горло. Мне тяжело было произносить слова. – Марк дотронулся до грубого шрама на шее. – И сейчас еще немного болит. Но я теперь буду говорить. Обязательно.

Растроганная воспитательница встала и обняла мальчика. В уголках ее сияющих глаз быстро скапливались слезы умиления. Стиснутый в женских объятиях, Марк постигал новую для себя истину. *Одни и те же слова, произнесенные разным голосом, дают совершенно разный эффект.*

Глава 5

В школе-интернате среди взрослых детей царили совсем другие законы. Если в детдоме для наведения порядка достаточно было строгого возгласа воспитателя, то в школе учителя почти не вмешивались в повседневную жизнь учеников, и во всем верховодили старшекласники. Сильный обижал слабого, слабый вымещал обиду на слабейшем. Младшие могли противостоять старшим только коллективно, поэтому значение приятельства и дружбы возрастало многократно. Для сносной жизни требовалось быть своим в избранной компании лидера класса, который определялся отнюдь не по оценкам в дневнике, а по крепким кулакам и умению быть полезным старшекласникам. Одиночкам здесь была уготована роль объекта насмешек или изгоя, которого каждый мог обидеть.

Марк Ривун не отличался физической крепостью и игнорировал любую душевную близость, поэтому его изначальная участь в жестоком коллективе малолеток была незавидной. Однако из разговора в кабинете заведующей он вынес важную мысль: голос – это инструмент, которым можно влиять на настроение людей.

До семи лет Марк не имел собственного голоса, он только слушал. В его своеобразной изощренной памяти сохранились мельчайшие оттенки сотен голосов самых разных людей. Начав говорить, Марк обнаружил, что может скопировать практически любой голос из фонотеки своей памяти.

Для начала он заговорил голосом солиста детского хора. Голос был чистым, звонким и тонким. Он принес ему успех в кабинете заведующей, помог завоевать расположение многих девчонок. Но со сверстниками-мальчишками всё получилось иначе. Первый всплеск интереса к заговорившему «немому» сменился злобными шуточками и подлыми тычками. Рыжик обозвал Ривуна Писклей. Прозвище тут же приклеилось к Марку.

Но ненадолго.

Марк быстро догадался, что тонкий голос мальчика-солиста вызывает умиление лишь у женской половины общества, а у мужской – порождает брезгливое отторжение. Марк стал экспериментировать. Однажды утром он заговорил голосом героя Гражданской войны Чапаева, любимого всеми мальчишками. Марк копировал голос артиста из бешено популярного кинофильма. Он произносил самые обычные фразы, но эффект был потрясающим. Это был голос, которому охотно подчинялись. Мальчишки обалдели, Рыжик стушевался. Прозвище Пискля уже никто не вспоминал. Что бы ни предлагал Марк этим голосом, его слушались и соглашались, будто перед ними был сам прославленный командир.

Но постоянно говорить взрослым голосом было подозрительно. И Марк Ривун нашел выход.

Он вспомнил известного предводителя мальчишек Лешку Черного, которого три месяца назад усыновила важная тетка в шляпе с вуалью. И на следующий день Лешкин голос вновь зазвучал в стенах детдома. Но знал об этом только Марк. Никто не понял, что бывший «немой» присвоил чужой голос. Такое и в голову никому не могло прийти. Но для Марка это было так же легко, как надеть куртку с чужого плеча. Со сменой голоса изменилась и жизнь Марка Ривуна. К нему стали прислушиваться сверстники, спрашивали совета, и часто его мнение, каким бы поверхностным оно ни было, становилось решающим.

С этим голосом в сентябре 1937 года семилетний Марк Ривун перешел в школу-интернат. Школа располагалась в другой части города, ближе к реке и шумной стройке большого завода. Сюда свозились дети и из других городов. В первые дни каждая компания держалась обособленно, сплываясь вокруг своего лидера. Таким среди бывших детдомовских был крепыш Сенька Рыжиков. Он привлек в свое окружение Марка как пацана, которого слушают остальные. Рыжик олицетворял силу, Марк – умение убедить. Благодаря такому тандему и сплочен-

ной массовке, детдомовским Острогожска удалось с наименьшими потерями утвердиться в новой жесткой среде. Ведь каждая мальчишеская драка или стычка неизменно заканчивалась переговорами, а в обоих аспектах компания имела сильных лидеров.

Но постоянно быть в центре внимания, вести пустые разговоры, играть в дурацкие игры Марка отнюдь не прельщало. Ему больше нравилось одиночество, когда можно было предаться любимому занятию – слушать и запоминать звуки. Но как остаться одному и не быть униженным безжалостными сверстниками? Надо обладать колючками, к которым больно прикоснуться. В природе так выживают ежи и репейник.

Марк Ривун вспомнил дворника-истопника из детдома. Старый подтянутый мужчина с острой бородкой академика и странным именем Карп вел себя как хотел, будто он самый главный во всем детдоме. Походил он на состарившегося писателя, автора «Каштанки». Эту книгу несколько раз читала детям воспитатель Нина Петровна. Карп появлялся и исчезал, когда ему вздумается, по крайней мере, так казалось Марку. Вопреки слякотной погоде, в чистых, на удивление, сапогах он бесцеремонно проходил в любой кабинет или палату, щупал трубы, проверял окна и не обращал ни малейшего внимания на недовольные взгляды заведующей и воспитательниц. Карп мог пресечь любую прогулку детей во дворе, заставить всех освободить дорожки или песочницы, и никто ему не смел перечить.

Говорил он глухим язвительным голосом, прямо на вопросы не отвечал и чаще всего бубнил: «Я не индивид. Я есть функция поддержания жизненной среды. Если вам не нужна сия функция, милости прошу, в расход старого Карпа». Глаза старика при этом укоризненно пялились на обувь или деталь одежды собеседника, от чего тому становилось неуютно за мнимое или настоящее пятнышко. «Милости прошу» сторож вставлял в любой ответ, и эта формально вежливая фраза скребла пилой по сердцу каждого, осмелившегося делать старику замечания. Но таких смельчаков находилось немного, разве что новенькая воспитательница в первую неделю работы или строгий областной проверяющий. Получив ответ, со скрипящим «милости прошу», они неизменно замолкали, фыркали в сторону, но больше недовольства не проявляли. Считалось, что до революции Карп служил камердинером у влиятельного князя, но многие верили, что он сам был важным барином и с приходом к власти пролетариата ловко сменил обличье. Так это или нет, но старика старались обходить стороной и лишний раз не тревожить.

Голос этого неудобного «ежика» Марк и постарался перенять. Но в этот раз он поступил расчетливее. Слепо копировать хрипотцу пожилого человека Марк не стал. Он разбил гамму звуков на несколько составляющих, убрал старческие признаки и вычленил ту неприятную для слушателей полосу, которую хотел присвоить. Сам того не ведая, он перенял частоту модуляций, сменив тональность. Для полноты картины Марк на всякий случай сохранил в своей речи слова-якорьки, заменив устаревшее «милости прошу» на современное мальчишеское выражение «прямо сейчас».

Сначала Ривун опробовал новый голос на ближайшем приятеле. Сенька Рыжиков как-то оттащил Марка на разговор перед обедом.

– У Мерины из второго класса карты понтовые есть с голыми тетками. Я знаю, где спрятаны. Можно стырить или отнять. Ну?

– Ага, прямо сейчас, уже бегу, – огрызнулся новым голосом Марк, уставившись на свежую дырку в рубашке Рыжика.

– Ты чё, Марк, заболел? – Рыжик, морщась, как от зубной боли, странно смотрел на Ривуна.

– Ага, прямо сейчас к доктору.

– Я говорю, карты понтовые. Если тырить, то лучше во время жрачки. Поиграем, а потом Бешеному отдадим. Он оценит.

– Мне по фигу. Стукани Бешеному прямо сейчас, и все дела.

– Так позыркать же хочется. Тетки, говорят, ядреные.

– Я есть хочу. – Марк равнодушно отстранил Рыжика и направился к столовой.

Странное дело, когда Марк ушел, Сеньке Рыжикову сразу стало спокойнее. Только пальцы с обгрызенными ногтями некоторое время нервно прижимали оторванный треугольник ткани на рукаве.

Приятели, как и прежде, еще пытались привлекать Марка в свои сборища. Но каждый раз он находил повод устраниваться. Вскоре желающих выслушивать его объяснения не нашлось. Даже учительница все реже и реже спрашивала Марка на уроках. «Какой неприятный мальчик», – думала она, объясняя свое отношение к подростку мерзким шрамом на его шее.

Марк Ривун внутренне торжествовал очередную победу. Всего лишь изменив голос, он получил то, что хотел – свободу слушать и изучать многообразный мир звуков.

По воскресеньям из городского парка доносилось механическое звучание радиорепродуктора. Новости и речи вождей перемежались музыкой и песнями. Марк с первого прослушивания запоминал любую мелодию. В школе-интернате имелся старый рояль. Пожилая равнодушная учительница Софья Леонидовна в строгом костюме с накрахмаленным белым воротничком иногда вела уроки музыки. Чаще всего они были приурочены к очередному празднику, когда требовалось разучить бравурную детскую песенку и исполнить ее перед гостями из городского отдела образования. Учительница укрепляла над клавишами тетрадь с непонятными знаками и, глядя в нее сквозь треснутые очки, ударяла негнушимися пальцами по клавишам. В остальные дни комната с роялем закрывалась.

Однажды в конце второго года обучения Марк услышал, что уборщица не закрыла на ключ музыкальную комнату. Он проник в нее, приподнял крышку рояля и поочередно нажал пальцем на каждую клавишу. В памяти четко зафиксировались все звуки, которые может извлечь громоздкий музыкальный инструмент. Марк припомнил песню, которая накануне звучала в городском парке, и одним пальцем воспроизвел мелодию.

– О, ексель-моксель, композитор, – раздалось за спиной восклицание Бешеного. – А еще какую песню знаешь, малец?

Марк недоуменно оглянулся на глупый вопрос Бешеного.

– Я помню всё, что слышал.

Бешеный вряд ли осознал абсолютную правдивость ответа. Он щелкнул пальцами и вальяжно приказал:

– Потренькай мне что-нибудь из «Веселых ребят».

Песни из этого кинофильма чаще других звучали по радио, и Марк без ошибок проиграл мелодии.

– Композитор, блин! – крикнул Бешеный и дружески похлопал по плечу Марка.

За спиной лидера младших классов переминались его верные вассалы. Они запомнили похвалу предводителя. С тех пор прозвище Композитор накрепко привязалось к невзрачному хлюпику Марку Ривуну.

Глава 6

После открытия музыкального таланта жизнь Марка изменилась. Покровительство Бешеного принесло ему популярность среди сверстников и предоставило некоторую свободу. Он мог посещать музыкальную комнату хоть каждый вечер. Бешеный с легкостью добывал ключи от любых помещений интерната. Но дружбу с хулиганом приходилось отрабатывать. В любой момент предводитель мог прислать верного пацана с приказом «стренькать что-нибудь для души». Марк повторял на рояле известные мелодии, хотя, после изучения возможностей огромного черного ящика с клавишами снаружи и струнами и молоточками внутри, сразу потерял к нему интерес.

Ему больше нравилось улавливать и накапливать в памяти новые звуки, тона и шумы, чем бесконечно воспроизводить ранее услышанные. Он, как сумасшедший коллекционер, стремился схватить и присвоить всё, что влетало в его оттопыренные уши из многообразного мира звуков. Каждую находку он любовно изучал со всех сторон и откладывал в нужную ячейку памяти.

Однажды за исполнением блатной «Мурки» компанию застала врасплох учительница музыки Софья Леонидовна. Она выгнала из музыкальной комнаты всех, кроме Марка, и строго спросила хриплым прокуреным голосом:

– Мальчик, кто тебя научил играть на рояле?

Марк не понял вопроса. Разве учат специально говорить или ходить? Человек видит и слышит, как это делают остальные, и повторяет сам. Так же и с мелодией. Он прекрасно слышит, из каких звуков она состоит, знает, за какими клавишами скрываются эти звуки, и просто ударяет по ним в нужной последовательности. Чему тут учиться?

По интонации учительницы он уяснил, что виноват, поэтому самым покорным голосом ответил:

– Извините, Софья Леонидовна. Я больше не буду.

– Ну что ты! – всплеснула руками пожилая женщина и погладила нескладного мальчика по голове. – Это хорошо, что ты умеешь играть. Только кто тебя все-таки научил?

– Я сам, – тихо произнес Марк и вжал голову.

– Самородок. Природный талант! – похвалила учительница сухими губками. – Тебе развиваться надо. А ты можешь сыграть что-нибудь более сложное, например из Чайковского?

Марк Ривун недоуменно молчал.

– «Лебединое озеро» слышал? – допытывалась учительница.

– А по радио эту песню передают?

– Это не песня. Это балет, – непривычно ласково улыбнулась Софья Леонидовна. – Чайковского, мальчик, лучше всего слушать в театре. Но театра в нашем городе пока не построили.

Марк смутно представлял себе, что такое театр, и совсем уж не понимал, почему слово «балет» учительница произнесла с благоговейным придыханием. Пацаны под балетом подразумевали непристойный танец на вытянутых носочках. Ни один звук с этим танцем у Марка не ассоциировался, поэтому не представлял для него ни малейшего интереса. Он уважал только те слова, которые хоть как-то помечали то, что можно услышать. Однако человеческий язык был слишком беден для обозначения неисчерпаемого многообразия звуковых колебаний. Например, слово «скрип» применяли и по отношению к двери, кровати, сапогам, чернильному перу, снегу под ногами и в десятках других случаях. Но даже разные двери скрипели по-разному, не говоря уж об остальных предметах. В памяти Марка в условной ячейке «скрип» хранились сотни вариантов этого удивительного звука.

Учительница закончила горевать об отсутствии театра, опустила глаза на тощего мальчика со шрамом на шее и поинтересовалась:

– Как тебя зовут?

– Марк Ривун, третий класс.

– Ах да, совсем память теряю. Что же мне с тобой делать?

– Отпустите, – ангельским голоском попросил мальчик.

– Нет, – лукаво погрозила женщина. – Помимо театра, Марк, музыкальные шедевры Чайковского можно услышать еще и на пластинках. У меня дома есть много хороших пластинок. Тебе надо их послушать.

Марк внешне остался невозмутимым, хотя его черствая маленькая душа затрепетала от радостного предчувствия. Он не понимал слова «шедевры», но возможность «слушать» являлась для мальчика самым главным стимулом. Это было смыслом его жизни. Что может быть лучше, чем новые мелодии и звуки, добавленные в копилку памяти. За неполных три года в школе-интернате он изучил и втянул в себя все окружающие звуковые волны, и иногда с раздражением смотрел в ночное небо, возмущаясь немymi звездами. Он страдал, если несколько дней не подпитывал ненасытную память очередной порцией новых шумов.

– Где? Где я могу послушать? – нетерпеливо спросил Марк. – Граммофон есть только у директрисы.

– Это исключено. В интернат я пластинки не дам, – решительно заявила Софья Леонидовна и вновь улыбнулась. – Ты пил когда-нибудь какао?

Марк замотал головой.

– Я так и думала. Приходи ко мне в субботу после обеда. Я поговорю с директором, она отпустит.

С тех пор раз в неделю Марк бегал в покосившийся деревянный домик учительницы музыки, расположенный у оврага напротив большой стройки. Софья Леонидовна заводила граммофон, доставала с полки одну из пластинок и бережно опускала на нее блестящий валик с иглой. Вместе с благородным механическим хрипом из медного рупора в маленькую комнату врывались десятки музыкальных инструментов и мощные голоса солистов. Тонкий слух мальчика тут же разбивал слаженное нагромождение звуков на отдельные составляющие. Если качество записи позволяло, он легко определял, сколько инструментов в оркестре, и даже сколько струн или клавиш на каждом из них. Он «видел», как напрягается горло певца, дрожат связки и вздымается его грудь. Марк не воспринимал мелодию целиком, его интересовали ее отдельные составляющие. Огромную пирамиду музыкального произведения он разбивал на мелкие кубики и любовно откладывал их в глубины своей памяти.

В эти же часы Софью Леонидовну неизменно посещала старинная подруга Нинель Владиславовна. Две пожилые женщины совместно колдовали над плитой, стремясь снять кастрюльку с закипающим какао в момент поднятия пенки, долго пили его из тонких чашек с китайскими узорами, курили папироски сквозь длинные мундштуки, смаковали самодельную малиновую настойку из хрустальных рюмок и бесконечно пережевывали одни и те же воспоминания из дореволюционного прошлого. Их заскорузлые пальцы передавали друг другу пожелтевшие фотографии, на которых застыли гордые лики усатых офицеров и нарядные барышни в шляпках.

Иногда женщины замолкали и внимательно слушали музыку. Они словно погружались в нее, пропитывались ею, и, в зависимости от характера произведения, разительно менялось их настроение. На старческих лицах отражался весь диапазон эмоций: от морщинок негодования до слез умиления. Больше всего женщин завораживали мощные объемные голоса оперных исполнителей.

– Божественно, – шептала Софья Леонидовна, притрагиваясь платочком к уголкам глаз, – это Бог поделился с ним своим голосом.

Такая реакция удивляла десятилетнего Марка. На его эмоциональное состояние музыка не оказывала никакого влияния. Он ясно видел ее изнанку, пристроенные друг к другу обрывки звуков и грубые швы между ними. Ни тени восторга всемирно известные музыкальные произведения ему не дарили. Он чувствовал их по-другому. Это всё равно что стоять перед величественным собором и видеть вместо него лишь неровные кирпичи, потрескавшиеся плиты и раствор цемента. Однако он наблюдал и старательно запоминал, как тот или иной музыкальный фрагмент или яркий голос влияют на настроение обеих женщин.

Единожды прослушав пластинку, Марк, как правило, сразу терял к ней интерес. Хотя пластинок в доме учительницы хранилось достаточно много, за два месяца он изучил их все. Повторное прослушивание его не прельщало, но торчать в интернате среди агрессивных сверстников было еще хуже. Марк Ривун продолжал посещать Софью Леонидовну, жадно выпивал полюбившееся какао и с любопытством наблюдал за впечатлительными старушками.

Возвращаться в интернат он не спешил и подолгу бродил по городу, устремляясь от одних звуков к другим. Большинство из них он уже знал и мог бы пройти мимо, но теперь его интересовала реакция людей на различную музыку и песни. Марк подслушивал свадьбы и похороны, ресторанных музыкантов и пьяных гармонистов, концерты самодеятельности и военный оркестр, праздники на площади и вечерние посиделки во дворе. Он вновь и вновь убеждался, что звуки: музыка, голоса, шумы – по-разному влияют на людей. Некоторые из них заставляют скорбеть, другие – торжествовать, третьи, четвертые, пятые – умиляться, плакать, доверять, бояться, трепетать, нервничать, впадать в транс и даже получать физическое наслаждение. Он видел, как от простой песенки у слушателей накатывались слезы или ноги сами собой пускались в пляс. Да что там музыка. Порой под влиянием речи оратора толпа в едином порыве приходила в восторг, негодовала или погружалась в скорбь. И не столь важны были слова выступающего, сколь общая патетика, тембр, а более всего, едва различимые оттенки вибрации голоса.

Неискушенного наблюдателя, возможно, удивило бы, что разные, на первый взгляд, мелодии и голоса, действовали одинаково, а похожие, наоборот, приводили к полярным эффектам. Но Марк легко вычислял именно те ключевые составляющие, с помощью которых достигался результат. Чаще всего это даже были не конкретные звуки или ноты, а некоторая тональность, нерв мелодии или внутреннее напряжение голоса и его особая звонкость.

По силе воздействия на людей из всех возможных источников звука, на первое место Марк ставил человеческий голос. Никакой музыкальный инструмент и даже целый оркестр не могли так влиять на огромную толпу, как голос талантливого певца или неистового оратора. Любую инструментальную мелодию слушатели переживали в полнакала, будь то на концерте в доме культуры или на танцплощадке, но стоило подключиться хорошему певцу, как эмоции удваивались, глаза вспыхивали, а тело легко пускалось в пляс.

Люди придумали сотни эпитетов для характеристики голоса: грубый и ласковый, бархатный и холодный, испуганный и робкий, ликующий и уверенный, ехидный и вкрадчивый, плаксивый и заботливый, внушительный и трепетный, твердый и мягкий, яркий и тусклый, торжествующий и леденящий, и многие другие, выражающие самые разнообразные чувства. Но Марк различал гораздо больше оттенков. Ему не хватило бы слов, чтобы все их описать.

Сначала он удивлялся, что люди легко поклоняются, трепещут и даже влюбляются в человека, которого никогда не видели, а лишь слышали его голос по радио. При этом диапазон

вокальных возможностей певца или дикция оратора не имели решающего значения. Самый популярный исполнитель, Леонид Утесов, практически не пел, а рассказывал истории несильным хрипловатым голосом, а главный вождь Сталин, от речи которого многие падали в обморок, жевал слова и говорил с акцентом. Однако Марк быстро разобрался в истоках их успеха. Главным их оружием являлась необычная модуляция голоса.

То, что все называли непонятным словом «обаяние», пряталось в структуре голоса человека. Никто не мог толком объяснить, почему один человек кажется приятным, а другой противным, почему одного уважают, а другого презирают, кому-то доверяют, а кому-то нет. И только наблюдательный Марк Ривун познал этот секрет. Он «видел» любой голос, как линии на своей ладони, и так же, как отпечатки пальцев, каждый из них был индивидуален. Но если отпечатки пальцев никто не мог подделать, то нужную тональность и вибрацию голоса необычный мальчик с изуродованной шеей старательно запоминал и быстро учился воспроизводить.

В одну из суббот Софья Леонидовна и Нинель Владиславовна, отведав малиновой настойки, как обычно, млели от чудного голоса итальянского певца. Марк, знавший наизусть все повороты музыкального сюжета оперы, больше прислушивался к новым звукам за окном.

На заводе, стремительно выросшем за оврагом, осуществляли пробный пуск оборудования. Натужно взревела огромная турбина, со свистом набрала обороты. Потом равномерный высокий гул словно натолкнулся на препятствие, потерял юношескую силу и рывками стал заваливаться в старческий бас. В механическом гудении начали преобладать низкие протяжные ноты.

Софья Леонидовна поджала губы, озабоченно потеряла виски. Нинель Владиславовна беспокойно заскрипела плетеным стулом. Низкий гул за оврагом нарастал.

– Прикрой форточку, – попросила учительница музыки Марка.

Створка захлопнулась, погнутый язычок оконной защелки лег в металлический паз, отгородив комнату от внешнего шума, но Марк чувствовал, что мощные волны по-прежнему проходят сквозь старую раму и деревянные стены. Он давно убедился, что способен воспринимать звуковые колебания не только через оттопыренные уши, но и напрямую, всем телом.

– Боюсь, война скоро будет. Гитлер пол-Европы уже захватил, – покачала головой Софья Леонидовна.

– Мне тоже страшно, Софьюшка. Ведь и старые уже, пожилы, а все равно помирать боязно.

– И без войны что-то тревожно.

– Плохо спала?

– Ворочалась, как всегда. Но с утра всё хорошо было, а вот сейчас... Аж сердце перехватывает. Марк, выключи граммофон!

– Я тоже плохо себя чувствую. Мигрень начинается. Может, погода меняется?

Мальчик послушно поднял блестящий валик с иглой, убрал пластинку. Граммофон ему совершенно не мешал. Всё его внимание было устремлено наружу. Явный шум за окном уже стих, но Марк слышал, как в чреве завода нарастает вибрация. Он чувствовал мощные волны, исходящие от большого агрегата. Они пронзали стену, легко проходили сквозь него, толкались в тела старушек, заставляя трястись их поджилки.

– Страшно, Нинушка, ой как страшно, – схватилась за сердце Софья Леонидовна. Ее лицо смертельно побледнело.

Нинель Владиславовна, не обращая внимания на подругу, вскочила с кресла, заметалась по комнате. Марк с любопытством наблюдал, как перепуганная старушка плотно прикрыла дверь, нервно задернула шторы, а учительница музыки сжалась в кресле, зажмурила глаза и зажала уши, словно перепуганный ребенок. Пять минут назад старушки наслаждались наливкой и музыкой, а сейчас тряслись от страха. Что произошло за это время?

Марк с интересом повернулся к стене, за которой располагался заводской корпус. Сквозь нее шли тяжелые волны колебаний. Он их почти не слышал, но хорошо ощущал внутренними органами. Прятаться от них или затыкать уши было совершенно бесполезно, да его они и не тревожили. Напротив, его тянуло к новым неведомым звукам.

Мальчик вышел из дома и встал на склоне оврага. Из заводских ворот, скукожившись и пошатываясь, выбирались испуганные люди. Они падали на пожухлую траву и корчились от боли. Некоторые в страхе отползали и скатывались в овраг. Могло показаться, что рабочие ранены, но Марк не слышал взрыва или производственной аварии. Завод источал только вибрацию и низкий шум. Приглядевшись, он убедился, что люди внешне совершенно невредимы, их терзала внутренняя боль.

Неожиданно, задев ворота, на дорогу выскочил грузовик, съехал колесом в овраг и рухнул под откос. Машина кувыркнулась, хлопнула радиатором о дно и завалилась на бок. Из-под капота заструился черный дым, выбились язычки желтого пламени. Марк слышал, как огонь жадно прополз по трубке к бензобаку. Яркая вспышка осветила склоны оврага, ухнувший взрыв выкатился из глубины и отозвался дребезгом оконных стекол близлежащих домов.

Когда взрывная волна растаяла, Марк не услышал прежнего низкого шума. Невидимый вибрирующий маховик на заводе остановился. Мальчик подождал немного и разочарованно вернулся в дом. Полыхающая огнем машина его не интересовала. Со звуками пожаров он был давно знаком.

Успокоившаяся Нинель Владиславовна тормозила Софью Леонидовну.

– Просыпайся. Не знаю, подруга, ты как хочешь, а я выпью. – Она разлила настойку по бокалам и тут же махом выпила.

– Что это было? – дрожащим голосом спросила учительница музыки.

– Грузовик загорелся и взорвался, – буркнул Марк, тщательно запоминая новый сегодняшний шум.

– А я думала война. Аж сердце ойкнуло.

– Хватит тебе про войну! Лучше выпей, – посоветовала тучная Нинель Владиславовна, размачивая сухарь в остывшем чае. – Не люблю я эти современные вонючие тарактелки. Вот раньше: тройка с бубенцами, чистый воздух! Да, Софьюшка?

– Болит, – терла грудь длинными негнушимися пальцами учительница. – Думала, что не выживу. Внутри все трясется, а голову, как тисками сжало.

– Это давление. Может, пластиночку включить? Музыка иногда помогает.

– Воздуха хочется. Марк, открой форточку.

Ривун выполнил просьбу учительницы и сообщил убедительным голосом:

– Я пойду. Мне пора. – Ему не терпелось остаться одному, чтобы всесторонне обсмаковать новый необычный звук, внушающий людям панический ужас.

– Ступай. В следующий раз начну учить тебя нотам, – традиционно пообещала Софья Леонидовна. Она давно хотела посвятить мальчика в азы музыкальной грамоты, но каждый раз с приходом говорливой подружки это обещание откладывалось.

Марк выскочил во двор и прислонился спиной к дощатой стене дома. Ему казалось, что она еще хранит те неслышные, но хорошо различимые телом волны. Он набрал в легкие побольше воздуха и завыл низким басом, пытаясь их воспроизвести. Он старательно имитировал гул и вибрацию, все глубже погружаясь в темную пучину бездонного океана звуков.

Лохматая соседская дворняга, проявившая, было, интерес к ноющему мальчишке, поджав хвост, забила под порог. Где-то рядом тревожно заржала лошадь и понесла расшатанную телегу. Работяги, пытавшиеся потушить грузовик, в страхе разбежались кто куда.

Марк долго отрабатывал голосовую технику, пока не убедился, что ему подвластен и этот, пугающий остальных, неслышимый ухом шум. Он не видел, как потеряла сознание Софья Леонидовна, как подкосились толстые ноги Нинель Владиславовны. Она опустилась рядом с

подругой, обхватив ножку стула. Испуганные глаза смотрели на открытую форточку и дрожащую занавеску. Когда ей показалось, что все внутри вот-вот оборвется, на лицо упала холодная сморщенная кисть бывшей пианистки. Нинель Владиславовна закричала от ужаса и отшатнулась в сторону. Рука дернула стул, и сверху на нее свалилось безжизненное тело старой подруги. Прядь седых волос упала в разинутый рот, прилипла к губам и языку, крик захлебнулся в старческом кашле.

Мальчик, довольный тем, что всё у него получилось, гордо топал по опустевшей улице. О смерти учительницы музыки он узнал раньше остальных в школе-интернате. Это известие ни капли не взволновало Марка, ведь все пластинки в ее доме он уже прослушал.

Глава 7

Однажды, в погожий июньский день 1941 года, во всех городах Советского Союза из тысяч уличных радиодинамиков мощный мужской голос выплеснул волны благородного возмущения. Война с Гитлером, которой так боялись две старые женщины, все-таки началась.

Информация о вероломном нападении фашистских захватчиков на родную страну Марка Ривуна совсем не заинтересовала. Его потряс необычайной силы голос диктора Левитана. Он видел, как под влиянием возмущенного трагического баритона люди замирали, в их телах стыла кровь, а многие даже теряли сознание. Марк понимал, что смысл сообщения здесь вторичен. Важен был тембр, глубина, вибрация и эмоциональный накал, с которым читался текст. Мальчик с интересом наблюдал, как слушатели, словно мухи в паутину, попадали под цепкое воздействие завораживающего мощного голоса. При желании диктор мог легко управлять огромными толпами, находящимися от него за тысячи километров.

Со столь явной демонстрацией влияния голоса на человеческий организм Марк еще не сталкивался. Одна необычная глотка с ошеломляющими способностями была сильнее многотысячной вооруженной армии. Марк быстро постиг тайну удивительного голоса и включил ее в свой арсенал. С тех пор для Марка Ривуна большая война ассоциировалась, прежде всего, с великим голосом Левитана.

Поначалу фронтовые действия проходили далеко от Острогожска, но быстро отразились на жизни города. По радио стали звучать только патриотические или грустные песни, умерла танцплощадка, железная дорога гудела под тяжелыми составами, станки и механизмы ухали на заводе день и ночь. В интернате тоже многое изменилось. Исчезли немногочисленные преподаватели-мужчины, питание как-то сразу оскудело, Бешеный с дружкой свалили на фронт, вместо них появились развязные хлопцы с захваченной врагами Украины, а на дисциплину даже самые строгие воспитатели махнули рукой. Несколько мальчишеских группировок активно враждовали и боролись за власть. Марк держался обособленно, и поэтому ему доставалось ото всех. Однако, припомнив, какой безотчетный страх порождает у людей низкий вибрирующий шум, Марк стал пользоваться своим талантом. Едва слышное горловое шипение быстро отбило желание связываться с ним даже отъявленных хулиганов. Странного мальчишку по прозвищу Композитор предпочитали не трогать.

Так прошел год. Фронт неумолимо приближался к Острогожску. В июне 1942-го эвакуация шла полным ходом, оборонять небольшой город военные не собирались, все силы концентрировались глубже, на Волге. Директор интерната каждый день названивала в горком и требовала вывоза сирот в безопасное место. В ответ ей кричали, что всё под контролем, и призывали не сеять панику.

Однажды в интернат заглянули два городских чиновника. Они переговорили с директрисой, взяли списки детей и успокоили ее:

– В конце недели пришлем машины, загрузим всех в эшелон и направим в Ташкент. Будете там дыни есть.

– Наконец-то! Наконец и о нас вспомнили, – причитала Зоя Ефимовна.

– А как же вы думали. Дети для нас – это святое.

Партийные чиновники в военных френчах без погон сели в автомобиль. Марк слышал их тихие реплики.

– Куда это? – спросил худой у толстого, показывая на списки воспитанников.

– По дороге выбросишь.

– С детьми никак не получится?

– Уже не успеем, войска получили приказ к отступлению. Нам бы партийный архив вывезти да оборудование с завода. Если сорвем, сам знаешь, по головке не погладят. А интер-

нат... Что им будет? Не расстреляют же немцы детей. Пусть теперь они с кормежкой помучаются.

Машина с партийными начальниками выкатилась со двора. Улыбающаяся Зоя Ефимовна помахала им рукой, искала алчными глазами светловолосую голубоглазую Марусю и помашила ее пальцем.

– После отбоя придешь ко мне. Я шоколадку припасла, – шепнула директриса девочке и запустила пятерню в светлые кудряшки. – Хорошая моя.

Маруся настороженно кивнула. А Марк болезненно сжал веки.

На двенадцатом году жизни ему впервые понравилась девочка. Красавица Маруся, конечно, игнорировала кособокого уродца с оттопыренными ушами и кривой шеей, но Марку часто удавалось привлечь ее внимание. Лучше всего это получалось вечером, когда сумрак скрывал некрасивое лицо и на первый план выходил чудесный голос. В такие минуты Композитор подключал всё свое мастерство. Маруся с интересом слушала его, порой смеялась, соглашалась вместе поиграть, а один раз даже подчинилась его ласковому приказу и поцеловала в щеку. Ее губы послушно прикоснулись к нему, обдали теплом и запахом карамели, но ни единой капельки чувства, которое принято называть любовью, в ее голубых холодных глазах не промелькнуло.

Это раздосадовало Марка. Он долго готовился к новой встрече, перебирал в памяти оттенки голосов лучших артистов и тщательно репетировал. Ему вновь удалось заставить девочку поцеловать себя, на этот раз в губы. Маруся покорно исполнила его просьбу. Как робот, холодно и механически.

Расстроенный Марк убежал. Ему казалось, что даже с директрисой Маруся ведет себя теплее. Он спрятался в подвале и не выходил оттуда целые сутки. Болезненно перебирая свои возможности, он понял, что научился внушать страх, восторг, уважение, жалость, интерес к себе, он может убеждать, подчинять и обманывать, но не в силах заставить слушателя полюбить себя.

Мальчик сжался в темном углу, ему не хотелось ни есть, ни пить. Да и зачем жить, если его тонкий слух не может вычленить нотки, порождающие любовь, а голос не в состоянии их воспроизвести. Он приготовился к смерти. Марк безвольно распластался на сыром полу, слушал капель из протекающей трубы и усердие паука, плетущего паутину в дальнем углу подвала.

Он вспоминал, как открывал самые удивительные звуки, постигал их влияние на людей и учился использовать для своих целей. Еще три года назад он многого не умел, а три дня назад считал, что умеет всё. Осознав эту простую мысль, Композитор успокоился. Если любовь существует, и это чувство можно внушить музыкой или голосом, то он обязательно овладеет этим искусством. А пока он повысит мастерство в том, что уже умеет.

Выбравшись из подвала, Марк оставил Марусю в покое. Он верил, что придет время, и толпы красавиц будут стелиться ему под ноги.

Сейчас, подслушав разговор партийных чинуш, бросающих интернат на произвол судьбы, Марк понял, что надо уходить из города самостоятельно. Двенадцатилетний подросток залез на крышу, закрыл глаза и вытянулся навстречу легкому западному ветру. Воздушные волны донесли артиллерийскую канонаду. Фронт действительно приближался. Мальчик решил подготовиться и уйти через день. Но прежде он поквитается со всеми обидчиками и проверит истинную глубину своих способностей.

На вторую ночь после этого решения дети в панике выпрыгивали из окон интерната, а под утро нескладный подросток с изуродованной шеей трясся в телеге, направляющейся на восток.

Глава 8

Авдотья Лепесткова, взявшая в попутчики Марка Ривуна, сама себе не могла объяснить, почему вдруг проявила такое расточительное милосердие. Скольких уж отваживала за трое суток пути из родной деревни. Да и как иначе? Лошаденка старая и немощная, того гляди околеет, своих ртов двое: Юрка и Нюрка, а тут какой-то страшненький голодный мальчонка напросился, а она возьми и пусти его в телегу. Не иначе рассудок временно помутился, а как еще это объяснишь? Но раз сжалилась, позволила сесть, выкидывать сразу было неловко. Вот попросится пацан по малой нужде, а она ждать его не будет. Или еще что придумает.

Был у Авдотьи план, хотела она до ночи переправиться на ту сторону реки, к большому мосту спешила. Много беженцев тянулось в том же направлении. Чем ближе к реке, тем гуще становился людской поток, и ехать приходилось шагом. Что пехом, что на кобыле – скорость одна, только ноги на телеге сохраннее. Попутчик, назвавшийся Марком, в разговор не встречал, с мальцами не дурачился, да и вообще любопытства не выказывал. Закроет глаза и качается на ухабах, будто дремлет. Только раз глаза открыл и велел, чтобы лужу объехала. Авдотья от чего-то подчинилась – и не пожалела. Шустрая повозка, нагнавшая Авдотью, сунулась напрямки и по ось увязла в жидкой грязи. За спиной еще долго слышался мат-перемат беззубого старика, понукавшего откормленного мерина.

Под вечер перед самой рекой, когда и ехать-то осталось несколько верст, мальчонка кривошей опять удивил. Навострил свои оттопыренные ушки и говорит:

– Нам, тетка, прямо никак нельзя. Вы подайте телегу в лес. Вот по этой дорожке можно. Там и переночуем.

Только он сказал, а Авдотьины руки уже дернули поводья и направили телегу на заросшую стежку под кроны деревьев. А зачем? Ведь мост уже рядом, и все умные люди туда прут. Народ гуторит, что за рекой от немца можно будет укрыться, туда его не пустят. Пока так думала и искала объяснение своей необычной послушности, в небе тревожно загудело. Над головой промчались самолеты, и через минуту заухало так, что земля под ногами дрожала, дети плакали, и обезумевшую лошадь пришлось к дереву привязать. А мальчонка, раскрыв рот, удивленно и благостно слушал, как рвутся бомбы и харкает в ответ одинокая зенитка.

Ранним утром по сырой траве выбрались на дорогу, в тревожном ожидании подъехали к реке. При виде жуткой картины Авдотья трижды перекрестилась, прижала к себе Юрку с Нюркой, пытаясь закрыть им глаза. От широкого моста осталось несколько полуразрушенных каменных опор, вся поляна перед ним была изрыта воронками, чадила сгоревшими автомобилями и была усыпана телами погибших. Пахло жженым порохом, обгоревшей одеждой и чем-то домашним, напоминавшим запах подкопченной шкуры только что забитого хряка. Выжившие и раненые жались друг к другу на опушке леса или потерянно бродили среди останков и тихо выли.

Авдотья опустила руки и тоже заплакала. Она знала, что ближайший мост находится далеко, где-то в соседней области, туда ей уже не добраться. Вдобавок на телегу стали косо посматривать попавшие под бомбежку. Первым подбежал лейтенант с перевязанной рукой в изодранной форме с горящим взглядом воспаленных глаз.

– У меня жена умирает, нога оторвана. Надо срочно в госпиталь. Я жгут наложил, но она долго не протянет. Помогите.

Подтянулись остальные, что-то гнусили, хватались за телегу, с обидой смотрели на здоровых детей.

– Детки у меня малые, – жалобно мямлила Авдотья. – Детки. Лошадь старая. Куда я без нее?

Толстая баба, одетая по-зимнему, дернула властно поводья.

– Еще вчера у меня тоже были детки. Трое! А сейчас токо Гришка остался. Его к врачу надо везти. Ну-ка слезай!

Лошадь пучила глаза и не знала, куда шарахнуться. Лейтенант выхватил пистолет и выкрикнул:

– По законам военного времени я конфискую средство передвижения. Всем отойти! Упряжка с конем поступает в мое распоряжение для нужд фронта. Кто сунется, застрелю как диверсанта! – Толпа повиновалась неохотно. Лейтенант для острастки пальнул в воздух и повернулся к Авдотье. – Немедленно освободить телегу!

Юрка и Нюрка испуганно прижались к матери.

– А куды ж пожитки-то? Куды я с такими мальцами? – По пыльным щекам Авдотьи крупные слезы проторили извилистую дорожку. Растерянная женщина мысленно прощалась с родной лошадейю.

– Освободить! Это приказ! – взвизгнул лейтенант и направил пистолет на Авдотью.

И в этот момент в разговор встрял Марк Ривун.

– Подождите, товарищ военный. Вы, наверное, не знаете, что о вашей трагедии известно в городе, и к вам уже спешат на помощь. – Мальчик отвел ствол пистолета, встал в полный рост на телеге и заговорил громче: – Сюда мчатся три машины с бригадой военных медиков. Они уже рядом, скоро придут и всем помогут. А пока раненым необходимо сделать перевязку и дать воды. Убитых похороните. Те, кто может передвигаться и хочет переправиться на тот берег, должны идти вниз по течению. Там военные сооружают временный мост.

Люди разом утихомирились и внимательно слушали лопоухого мальчика с кривой шеей. «Три автомобиля, – шептал кто-то радостно, – врачи». Злость и раздражение исчезли, и даже боль отступила. Сообщение о новой переправе окончательно сняло уныние.

– Мост? Где? Далеко? Какой еще мост?

– Мост состоит из железных пустых блоков, которые стелют прямо на воду, – уверенно продолжал Марк.

– Понтонный! – воскликнул лейтенант.

– Работа идет сразу с двух берегов реки. В центре осталась небольшая протока. Скоро закончат. За три-четыре часа вы сможете дойти до моста. – Марк окинул взглядом притихшую толпу и добавил: – Самолетов поблизости нет, бомбежки не будет.

Толпа успокоилась. Многие бросились выполнять поручения Марка: поили раненых, сносили тела в одну большую воронку. Лейтенант вернулся к своей безногой жене и нежно успокаивал ее. Марк сел и равнодушно ткнул в бок онемевшую Авдотью.

– Поехали. Туда, – указал он.

К середине дня телега подъехала к понтонному мосту. Деревенская баба Авдотья перекрестилась и шепотом поблагодарила Бога за ниспосланного ей ангела-спасителя. Теперь она знала, что художники ошибаются, рисуя на открытках миловидные лица с крылышками. Ангелы совсем не такие. У них большие уши, печальные глаза, шея со шрамом и чудесный голос.

На левом берегу, в районном центре, Композитор бесшумно спрыгнул с телеги и исчез. Его привлек тонкий свист ветра в продырявленной автоматной очереди железной трубе.

А Авдотья Лепесткова еще два дня неустанно молила Бога о чудесном спасении и вспоминала удивительного ангела, пока в состоянии блаженного транса не попала под поезд на переезде. Сокрушительный удар паровоза пришелся в заднюю часть телеги. Измученный бессонницей машинист не успел затормозить. Лошадь кувыркнулась и встала на ноги с обломанными оглоблями. Воздушная волна от промчавшегося состава распушила ее облезлый хвост. Все, кто был на телеге, мгновенно погибли. Старая кляча ненадолго пережила свою хозяйку. Через день голодные беженцы забили ее на мясо.

Глава 9

Поздней осенью 1942 года Марк Ривун расположился в полуподвале разрушенного здания на ночлег. Сквозь легкую дрему он слышал, как кто-то пытается незаметно подкрасться к нему. Если бы Композитор умел смеяться, он бы давно от души расхохотался над тщетной попыткой двух подростков тайно подойти сзади. В полуподвале имелось окно с осколками стекла. Марк услышал две пары растоптанных ботинок еще на подходе. Их обладатели настояжились, заметив порванную нить в дверях. Видимо, Марк задел тайный знак неприкосновенности жилища. Теперь понятно, почему здесь так уютно. Хозяева вернулись в свой обжитой, в меру благоустроенный подвал, и намерены отмутузить и прогнать чужака.

Композитор слушал, как высокий подросток крался вдоль стены по битым кирпичам. Другой, более крепкий, придумавший этот план, пролез через окно в дальнем конце подвала. Оба сжимали в руках короткие палки. Они грамотно отсекали возможные пути отхода. Просто спугнуть непрошенного гостя ребят не устраивало. Они хотели жестоко избить его, чтобы впредь неповадно было соваться в их владения.

Кольцо сжималось. Марк равнодушно лежал на мягком матрасе. Его тело наслаждалось забытым уютом. Он бы мог завывать низким шумом и нагнать животный страх на агрессивных юнцов. Еще раньше он мог незаметно ускользнуть, только расслышав их подлый план. Но ничего этого утомленному подростку делать не хотелось.

С утра он ушел из города на плеск журчащей воды. Уши вывели его к плотине на узкой речке, где стояла водяная мельница. Марк несколько часов слушал, как вода падает на деревянные лопасти, скрипит смазанная жиром ось, каменные жернова истирают зерна в муку, на взбаламученном потоке лопаются пузыри и за стебли высохших камышей цепляются остатки пены. Он наслаждался новыми звуками, а под вечер вернулся в город, так ничего и не съев за день. Но голод не печалил Композитора. Расположившись в чужом подвале, он ласково перебирал и систематизировал все звуки, связанные с водой.

Крепыш предводитель и длинный напарник замерли у двух противоположных входов в комнату. Марк слышал, как лидер сделал глубокий вздох, протер лоб и перебросил палку из одной руки в другую. Приятели переглянулись и дружно кинулись с грозным кличем на лежащего наглеца.

Марк откатился к стене и избежал двух первых сокрушительных ударов. Он вскочил, забился в угол и жалобно заголосил:

– Не бейте, я не причиню вам зла. Простите, если нечаянно нарушил ваши владения. Я здесь ничего не трогал, а прилег, потому что болен.

Деревянные палки по разу огрели его по бокам, но уже без злобы, а по инерции.

– Не бейте. Я не знал, что это ваш дом. Если хотите, я уйду.

– Проваливай, – буркнул длинный и бросил палку. Вся его агрессия как-то сразу улетучилась.

– Конечно, я готов уйти, – безропотно согласился Композитор и тут же сменил голос беспомощного младенца на убедительную интонацию, подслушанную у лучших киногероев, начиная с Чапаева. – Вам надо обустроиться в соседней комнате. Здесь в углу крысиная нора, и плита над головой треснута. При новой бомбежке может не выдержать. Еще здесь вихрь от сквозняка. Летом было приятно, а сейчас уже осень – продует. В соседней комнате безопаснее. Оттуда лучше просматривается вход.

В последней фразе Марк хотел сказать «прослушивается», но его вряд ли бы поняли ограниченные болваны. Крепыш не сильно ткнул палкой в грудь Марка и спросил:

– Ты кто?

– Беспризорник. Из школы-интерната сбежал.

- Чем болеешь?
- Простудился.
- Кровью харкаешь?
- Нет. Кровью – это туберкулезные. А у меня насморк из-за дырявых ботинок.
- Что умеешь?
- Играю на рояле. Музыку подбираю.
- А на гитаре играешь?
- Наверное.
- Как это?
- Видел, как это делают. Но не пробовал.
- Ну, ты даешь! – рассмеялся крепыш и отбросил палку. – Гошка, принеси нашу гитару.

Проверим наглеца.

Длинный Гошка скрылся в темном чреве подвала и вскоре появился с треснутой гитарой. По звукам шагов Марк легко определил, где у ребят находится тайник.

– Держи инструмент. Играй! – приказал крепыш, сам уселся и посмотрел на Гошку. – А мы жрать будем. Ужин у нас.

Марк взял гитару, провел пальцем по струнам.

– Тут одной струны не хватает.

– Ну и что, я не привередливый. На остальных играй.

Марк еще раз тронул струны. Неслаженные звуки ему не понравились. Он припомнил, как звучала гитара на концерте перед началом кинофильма, куда он однажды тайно прокрался в одну из суббот. Мальчик подкрутил колки и добился нужного звучания. Сдвигая прижатый палец сверху вниз по грифу, он ударял ногтем по струнам и запоминал звуки.

– Чего он впустую тренькает? – недовольно высказался Гошка. – Пусть играет.

– А что вы хотите? – поинтересовался Марк.

– «Синий платочек» знаешь?

Песню «Синий платочек» на мелодию вальса в исполнении Клавдии Шульженко знала к тому времени вся страна. Марк легко воспроизвел последовательность звуков на двух нижних струнах.

– Ух ты, может! – удивился крепыш. – Тебя как звать, лопоухий?

– Марк.

– А кликуха есть?

– В интернате Композитором звали.

– Ни чё себе! Композитор. А меня Лимоном кличут, а это Гошка. Жрать будешь, Композитор?

– Если дадите.

– Да хрен с тобой, лопай. А потом еще чего-нибудь сбацишь.

Так Марк Ривун познакомился с Лимоном и Гошкой. Лимон взял его в компанию не бескорыстно. До сих пор Марк добывал себе пропитание попрошайничеством. Это не было занудное вымогательство мнимого убогого или калеки. Марк определял дома, где еды было в недостатке, стучался и просил тем ангельским голосом, которому невозможно было отказать. Люди угощали грязного мальчишку, а потом долго ломали голову, почему они это сделали.

У Лимона были другие планы. По его замыслу Композитор должен был отвлекать игрой на гитаре рыночных торговков, а в это время Лимон с Гошкой шмонали под прилавками. Несколько раз это сходило с рук, но потом бабы раскусили фокус и дружно отколошматили пройдох. Марка почему-то не тронули, будто музыка создавала вокруг него кольцо защиты.

После неудачи троица по приказу Лимона сорвалась с насиженного места и пошла колесить по городам и весям. Марк к новым приятелям относился равнодушно, но каждое новое место давало ему возможность расширить границы бесконечного океана звуков.

Однажды весной 43-го в прифронтовой зоне после неудачного голодного дня Лимон с досады накинулся на Марка:

– Ну чё ты все слушаешь и слушаешь, Композитор? Чё ты уши как локаторы развесил на всю вселенную и спишь на ходу? Надо нюх иметь и глаза, чтобы жрачку найти, и еще быстрые ноги, чтобы смыться. А у тебя, кроме лопауких ушей и кривой шеи, ни черта нет!

Сидевший сзади Гошка неожиданно схватил Марка за уши и стал их выкручивать.

– Сейчас я вмиг эти лопаухи отвинчу, – смеялся он. – Мы их собакам скормим, да, Лимон?

Марк попытался завывать низким пугающим голосом, но Лимон его опередил. Кулак мелькнул перед носом и расквасил в кровь тонкие губы.

– Надоел ты мне, Композитор, и треньканье твое уже достало. Моцарт, хренов.

Лимон прыгнул на гитару. Бзинькнули лопнувшие струны, захрустела под ногами сло-манный дека. А Гошка продолжал выкручивать уши, потом отпустил и резко хлопнул ладонями с двух сторон по голове. От громкого хлопка Марк на время оглох. Это состояние испугало его так сильно, как никогда в жизни и ничто не пугало. Скорчившись, он шлепнулся на пол с зажа-тыми ушами. За минуту полной тишины он познал всю глубину и ужас возможной трагедии.

Когда слух постепенно вернулся, Марк встал и с каменным лицом сообщил:

– Я знаю, где можно взять еду.

– Ну, выкладывай.

– Корпус мехзавода помните? Там лежат ящики. С консервами.

– Откель знаешь?

– Днем, когда мы разбежались, приметил.

– Чего ж раньше молчал!

– Завод охраняли. Но сейчас вся охрана эвакуирована. Слышал, поезд отошел? А два ящика забыли. Они там. Их можно взять.

Ребята в каждом городке устраивались рядом со станцией – самым людным и хлебным местом. Ушедший на восток поезд слышал даже Лимон.

– Пошли, – скомандовал он. – Если соврал, уши оторву.

Каким-то чутьем Лимон угадал самую страшную угрозу для Композитора.

К заводскому забору подошли в сумерках.

– Где? – спросил Лимон, просунув голову в дыру в заборе.

– В правом углу, у стены, под балкой, – указал Марк.

У проходной сустились несколько военных.

– А эти еще здесь, – вздохнул Гошка. – Увидят.

– Если с той стороны заходить, не увидят. Кроме них никого не осталось, – убедительно сказал Марк. – Вы давайте кругом и внутрь. Я здесь на шухере постою. Если кто из охраны сунется, я каркну вороной.

– Ништяк, – похвалил Лимон. Он знал об умении Композитора подражать разным живот-ным. – Гошка, за мной.

Ненавистные приятели ушли. Марк привалился к стене и привычно погрузился в океан звуков. Он четко «видел», как Лимон и Гошка беспрепятственно прокрались в заводской кор-пус, как увидели два ящика в углу и похвалили Композитора: «Не соврал». Затем Лимон накло-нился, чтобы снять крышку. Он даже успел удивиться и понять, что за провода тянутся из ящика, и почему точно такие же ящики стоят в каждом из углов здания. Лимон был сообра-зительный и не стал тратить время на дурацкий вопрос Гошки: «Ну, что там, тушенка или кильки?». Он оттолкнул напарника и побежал к выходу. Лимон бежал так быстро, как не бегал никогда.

Но это его не спасло.

Командир взвода саперов отдал приказ точно в назначенное время. Марк подслушал его еще утром. Солдат интенсивными движениями раскрутил ручку магнето и рывком повер-

нул рубильник. Электрический заряд мгновенно пронесся по проводам к детонаторам. Здание встало на дыбы и осыпалось грудой щебня и бетона.

Командир отряхнул пыль с фуражки и похвалил подчиненных:

– Хорошая работа. Народное добро мы фашистам, шиш, оставим!

Глава 10

После долгих скитаний по стране повзрослевший Марк Ривун в феврале 1945 года оказался в Москве. Столица ничем не удивила худого долгового юношу, много повидавшего за смутные военные годы. Все тот же городской набор звуков, порождаемый жизнедеятельностью людей, только гуще наложенный друг на друга и причудливо перемешанный. Разве что каменные мостовые в большом городе были почище да обувь у москвичей получше, оттого и каблучки с набойками цокали звонче и радостней. И еще под землей гудело метро. Марк подошвами чувствовал, как на глубине вибрируют стальные рельсы под проносившимся составом или дышит пустотой рукотворный тоннель. Спустя две недели пребывания в городе, он мог бы обозначить все подземные коридоры, даже закрытые и секретные, предназначенные для тайной эвакуации вождей из Кремля.

Однажды, проходя по старинной улице, Марк услышал разношерстное пиликанье скрипок, рыхлое звучание духовых инструментов и торопливый звон ударных. Множество музыкантов одновременно пытались слаженно сыграть непростую мелодию. Звуки доносились из помпезного здания с колоннами. Подросток заинтересовался необычной полифонией, его тянуло заглянуть внутрь.

За высокой центральной дверью сопел хмурый усатый охранник, соваться сюда было бесполезно. Марк обошел здание, прислушиваясь к происходящему за стенами, и обнаружил дверцу, за которой петлял узкий коридор с лесенками. Он бесшумно проник внутрь и, привычно используя свои уши в качестве локаторов, незаметно прошел по извилистым коридорам и оказался на задворках большой сцены среди груды разобранных декораций.

Музыкантов от любопытного подростка отгораживал только парчовый занавес. В его складках можно было легко спрятаться и незаметно подглядывать, но Марку этого не требовалось. Он вольготно устроился за фасадом декоративного домика и прекрасно «видел» все, что происходило на большой сцене.

А там, на фанерных стульях в несколько рядов, полукругом сидели музыканты. Каждый держал свой инструмент и периодически по невидимой команде вступал в игру. Одновременно звучали десятки струнных, духовых, медных, ударных и клавишных инструментов. Марк быстро насчитал семьдесят шесть музыкантов. Еще один странный человек возвышался перед ними, нервно переворачивал листы раскрытого альбома, давал команды и размахивал рукой. Сначала Марк не мог понять, что держит этот человек в напряженных пальцах, но потом «разглядел» тонкую палочку. Всё стало на свои места: нервный дирижер руководил репетицией большого симфонического оркестра.

Репетиция шла туго. Звучала дерганная неслаженная музыка. Дирижер топал ногами, покрикивал и требовал повторить то один, то другой эпизод. Музыканты нехотя подчинялись, отпуская под нос колкие реплики. Но дирижер их не слышал. Он твердил свое: про непопадание в ноты, сложную партитуру, которую никто не соизволил выучить, расхлябанность и несобранность, время от времени призывая собраться и продемонстрировать высокий класс. Музыканты вновь и вновь тревожили струны, однако какофония отдельных звуков никак не желала выстраиваться в нечто гармоничное и цельное.

Нервно шелестели большие страницы. Марк догадался, что в блокноте у дирижера все звуки записаны специальными символами. Это та самая нотная грамота, которой так и не успела его обучить Софья Леонидовна. Марка несказанно удивило, что звучание целого оркестра уместается на нескольких листах немой бумаги. Он припомнил эти магические символы, виденные у старой учительницы. Ему хотелось разобраться и понять их.

Закрыв глаза, он внимал музыке, которая взлетала со сцены, отражалась, дробилась и вновь складывалась под высоким сводом. Ему нравилось в этом храме музыки. Каждый инструмент в огромном зале звучал ярко и продолжительно. Юноша догадался, что здание специально построено для исполнения музыкальных произведений. Концертный зал, как живой организм, дорожил мелодией, обхаживал ее, придавал мощь и не спешил с ней расставаться. Это удивляло и завораживало подростка. Он понял, что дирижер – это тот человек, который управляет настроением музыки и по своему желанию воздействует ею на слушателей. А что может быть лучше такой власти?

Дирижер Альберт Михайлович Норкин раздосадованно швырнул палочку на пюпитр и хлопнул нотами. Ничего у него сегодня не получалось. Впрочем, как и вчера, и позавчера, и три дня назад. В кои веки у него появился прекрасный шанс: занять место главного дирижера большого оркестра – и все тщетно! Прежний главный дирижер Владимир Поварский, как поговаривали злые языки, ради боевого ордена мотался по фронтам с музыкантами, в результате попал под бомбежку и отлеживался сейчас в военном госпитале где-то на территории Польши. Готовить ответственный концерт ко дню Красной Армии поручили Норкину. Если бы концерт понравился Сталину, то Норкина наверняка назначили бы на почетную должность, а взбалмошного раненого дирижера, наградив орденом, отправили на покой. По слухам, независимый упрямец Поварский уже давно раздражал руководство страны.

И вот, когда всё так удачно сложилось и оставалось лишь с блеском выступить на торжественном концерте, Норкин с горечью осознал, что на этом его везение закончилось. Он всё сделал как надо: выдернул из эвакуации лучших исполнителей, выбил для них довольствие, соответствующее должности полковника, обеспечил редкими инструментами из госфонда, даже отопление в концертном зале наладил – ну что еще нужно для успешного выступления? А оркестр не звучал.

Норкин, как аккуратный дирижер, всё делал в точности по партитуре. Когда надо – взмахивал палочкой, указывал глазами, тянул подбородок на длинных нотах и демонстративно придавливал звучание ладонью при переходе темпа. Десятки опытных музыкантов следовали его указаниям, но профессиональный слух легко улавливал дисгармонию, а то и явную фальшь. Он пытался это исправить, останавливал оркестр, устраивал разнос то одному, то другому исполнителю, однако семьдесят шесть отличных музыкантов никак не могли исполнить хоть и сложную, но хорошо известную классическую симфонию.

Порой Норкину казалось, что музыканты специально саботируют его команды и играют неважно. Чем дольше шла репетиция, тем больше он укреплялся в этой мысли. Ну, конечно, они специально всё портят! Они это делают нарочно, назло ему, потому что считают недостойным выскочкой, занявшем чужое кресло. Он слышал злые перешептывания. Кое-кто из музыкантов надеялся сам встать у дирижерского пульта. Взять хоть того же виолончелиста Карамышева. Он достоин, у него много сторонников. Сейчас они завидуют, подначивают остальных и всячески мешают новому дирижеру.

Оркестр репетировал уже пятый день подряд. До концерта оставались только сутки. Завтра вечером Норкина ждал оглушительный провал или, в лучшем случае, серое унылое выступление. Рассчитывать на то, что партийные руководители недостаточно разбираются в классической музыке, не приходилось. На концерте будет присутствовать вся музыкальная Москва. Уж они-то найдут способ выразить свое отношение и довести его до руководства страны. Раннего Поварского могут представить героем, рискующим жизнью ради победы, а осторожного Норкина обвинят в недостатке патриотизма, неумении вселить уверенность в победу, а то и выставят тайным вредителем. Наиболее рьяные обязательно намекнут, что имя то у дирижера арийское, да и национальность подкачала. Тогда жди незамедлительных мер. Черный «воронок» в полночь – и Сибирь лет на пятнадцать.

Альберт Михайлович поежился от подобной перспективы и объявил перерыв. Плечи сжались, голова склонилась под тяжестью неразрешимой проблемы, и без того невысокий дирижер стал выглядеть еще ниже. Он уныло поднялся в свой кабинет, опрокинул залпом сто грамм дефицитного конька, совсем не почувствовав вкуса, и включил патефон. Нужная пластинка бесшумно лежала в нем уже неделю. Прекрасная мелодия наполнила небольшую комнату. Звучала симфония, которую тщетно готовил к концерту Норкин. Дирижер сидел за столом, понурив голову, и слушал, воткнув растопыренные пальцы в черную с проседью шевелюру. В уголках закрытых глаз скапливались слезы отчаяния.

Вот так должен звучать большой симфонический оркестр. Это запись, которую еще до войны сделал Поварский. Проклятый, но гениальный Поварский! «Божественно, неповторимо, – шептал Норкин. – Мне этого никогда не достичь». Скрипки, альты, виолончели, контрабас – все струнные инструменты, даже солируя, не затеняли друг друга, как это только что было на репетиции, а дополняли и усиливали симфонию, сливаясь в объемный широкий поток. Им помогали флейты, фагот, валторна, трубы и кларнет. Серебристость и звонкость придавали колокола, ксилофон и тарелки. Четкий ритм задавал барабан. В нужный момент в общий поток вливались арфа и рояль, раскрашивая симфонию яркими красками. Музыка с первых тактов захватывала слушателя, заставляла взлетать, парить, стремительно нестись вниз и рассыпаться в блаженстве.

Норкин наслаждался гениальным исполнением и плакал от собственного бессилия. В школьные годы по настоянию родителей он научился играть на скрипке, затем окончил консерваторию и даже получил диплом дирижера. В первые годы Альберту Норкину доводилось руководить небольшими оркестрами. Хотя успеха он не снискал, но неожиданно хорошо проявил себя в административной и организационной сфере. Обладая хорошим слухом и развитым вкусом, он разбирался в музыке и понимал, где исполнение выдающееся, а где посредственное. Словосочетание «дирижерский талант» он не признавал, и считал, что всё достигается опытом и трудолюбием. А трудиться ему больше нравилось по хозяйственной части. Собственное дирижерство Норкин отложил «на потом», окунулся в административную работу, и со временем стал большим директором. Он мог командовать музыкантами, дирижером, и долгое время такое положение его устраивало.

Шли годы. Многочисленные житейские потребности семьи Норкина были с лихвой удовлетворены, единственная дочь удачно выдана замуж, и тут выяснилось, что до полного счастья и душевного комфорта постаревшему музыканту не хватает одной, но очень важной состав-

ляющей. Ему не хватало славы. Весь успех и почитание доставались строптивому дирижеру Поварскому. Его имя крупными буквами печаталось на афишах, звучало по радио, он записывал десятки пластинок, гастролировал по стране, о нем писали газеты, и даже приглашали за границу. Конечно, ни в Вену, ни в Милан Поварского не выпускали, но то, что слава дирижера перешагнула границы страны, сильно задевало завистливого Норкина.

Директор стал общаться с журналистами, присутствовать на репетициях и даже позволял себе давать туманные советы прославленному дирижеру. Однажды Поварский не выдержал и выгнал Норкина с репетиции. Скандала Альберт Михайлович раздувать не стал, но смертельную обиду затаил. Он мог бы выжить дирижера из труппы и заменить другим, но неожиданное ранение обидчика предоставило новый шанс. Альберт Норкин убедил всех, что сам встанет за дирижерский пульт.

Энтузиазм первых дней репетиции прошел, и сейчас опытному музыкальному работнику стало ясно, что ответственное выступление будет провалено. Норкин выпил еще, глаза уперлись в выглаженный фрак, специально заказанный у лучшего портного для завтрашнего концерта. Он решительно поднялся, сдернул фрак с вешалки и швырнул его в угол на пыльный пол. Всё кончено. Его карьера завершена. Сейчас он извинится перед музыкантами, вынесет на сцену патефон и попросит их исполнить симфонию так, как на пластинке. А сам будет стоять в стороне и время от времени возвращать иглу для нового прослушивания. Ни на что другое он не способен. После концерта он с позором покинет большую музыку, уедет в провинцию, чтобы подвизаться простым музыкантом где-нибудь в ресторане или кинотеатре. Всё решено. Так он и сделает. Это будет честно по отношению к великому искусству.

Рука Норкина вновь потянулась к бутылке. Пальцы уже прикоснулись к холодному стеклу, как вдруг за спиной прозвучал требовательный голос:

– Подождите. Не надо больше пить!

Глава 11

Альберт Михайлович Норкин вздрогнул – его поймали за распитием алкоголя в рабочее время! Но какое теперь это имеет значение. Неудачливый дирижер равнодушно обернулся. Перед ним стоял долговязый подросток с искривленной шеей, в давно не стиранной заношенной одежде. Из-под неряшливых длинных черных волос торчали оттопыренные уши. Тусклые узко посаженные серые глаза и безразличное лицо явно контрастировали с только что прозвучавшим тревожным восклицанием.

Норкин удивился. Как оказался этот мальчишка в закрытом кабинете? Он совершенно не слышал шагов или звука открывающейся двери. Ах да! Это из-за музыки, которая продолжала звучать из патефона. Дирижер остановил пластинку, посмотрел на нее, словно решая, а не выкинуть ли диск в окно и не уйти ли сегодня куда глаза глядят, а там, будь что будет.

– Вы хотите, чтобы ваш оркестр звучал так же, как эта запись? – осторожно спросил подросток.

«Это невозможно», – пошевелил губами Норкин. К нему иногда заглядывали любопытные дети уборщиц в надежде получить леденец или конфету. Этот переросток уже великоват для детских сладостей, но, судя по его худобе и облезлой одежде, он никогда и не ел приличных конфет. Дирижер взял шоколадную конфету из маленькой вазочки рядом с бутылкой коньяка и протянул подростку.

– Возьми и оставь меня в покое.

– Мне не нужна конфета, я... Я хочу учиться.

– Чему? Здесь не школа.

– Музыка. Нет, музыку я знаю. Вот этим значкам, которыми записывают музыку, – Марк показал на раскрытый нотный альбом.

Дирижер усмехнулся. Этот паренек сумел его рассмешить. «Музыку я знаю!» Что за наглое заявление. Да чтобы разбираться в Ее Величестве Музыке, надо упорно учиться долгие годы, а потом посвятить ей всю жизнь. А за плечами этого оборванца от силы несколько классов музыкальной школы, и он еще смеет такое заявлять!

Норкин извлек из огромной коллекции пластинок на стеллаже диск и включил патефон. Как только зазвучали первые аккорды, он спросил:

– Кто написал эту оперу?

– Вы спрашиваете про автора?

– Да. Назови мне имя композитора.

– Я не знаю.

– Ха! А кто автор этой симфонии? – Норкин поставил новую пластинку.

– Я не запоминаю фамилии.

– А это произведение кто написал? – Норкин сдвинул головку с иглой.

Парень вновь не смог ответить. Дирижер злорадно гремел на весь кабинет:

– Ты не знаешь Верди, Бизе и Прокофьева! Как же ты можешь говорить, что знаешь музыку! Ты бестолочь, пустое место! Нечего строить из себя вундеркинда. Бери конфету и проваливай! Ты ведь за ней приходил?

Паренек с виноватым видом мялся на прежнем месте.

– Верди, Бизе и Прокофьев. Я запомню. Я слышал эту музыку и знаю ее. Только я не думал, что нужно запоминать авторов. Вот выключите патефон, а я продолжу. Выключите.

– Что ты продолжишь? – озадачился Норкин. – Если ты умеешь пикировать на скрипке, то это не значит, что я буду тебя слушать.

– Я не умею на скрипке. Я еще не пробовал.

Дирижер рассмеялся.

– Он не пробовал. Еще не пробовал! Скажите, пожалуйста! Да что я тебя все слушаю. Не хочешь конфету – иди, иди. Не отвлекай. А то прикажу выгнать!

Норкин отключил патефон, потянул за фантик с двух сторон и бросил в рот большую конфету. Зубы увязли в мягком шоколаде. Альберт Михайлович хмуро смотрел на подростка и развязно жевал. Неожиданно в кабинете заиграла труба. Звук был четким и ясным. Норкин недоуменно покосился на отключенный патефон. Именно эта партия должна была продолжить прерванную симфонию Прокофьева. Но патефон молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.